

ЮРИЙ НИКИТИН

Бригантины
поднимают паруса

К О Н Т Р О Л Е Р

Юрий Александрович Никитин

Бригантины поднимают паруса

Серия «Контролер», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22559861

*Ю. А. Никитин. Контролер. Книга пятая. Бригантины поднимают паруса: ООО «Издательство «Э»»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-90263-7*

Аннотация

Мир все ближе к катастрофе, однако о ней знают только единицы. Владимир Лавронов старается объединить усилия разведок ведущих стран мира, чтобы предотвратить угрозу, но сам делает ставку только на российское ГРУ МИС, военную разведку Пентагона и Мосад.

А сам начинает свою игру, о которой пока никто не догадывается...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	54
Глава 6	63
Глава 7	75
Глава 8	86
Глава 9	100
Глава 10	112
Конец ознакомительного фрагмента.	121

**Юрий Никитин
Контролер. Книга
пятая. Бригантины
поднимают паруса**

© Никитин Ю. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Часть I

Глава 1

Вдали от ленты идеально ровного шоссе проплывает зеленое поле, огороженное декоративным забором. Я засмотрелся на прекраснейших коней снежно-белого цвета с роскошными гривами и хвостами, довольные и счастливые пасутся и весело взбрыкивают в пышной зеленой траве.

В громадном загоне их только двое, полные хозяева. Наш автомобиль проводили взглядами абсолютных и безраздельных властелинов этих полей.

На той стороне зеленого пространства скромный особняк за пять-семь миллионов долларов. Некий аналог садового или охотничьего домика, куда хозяин навещается изредка после утомительных раутов и вечеринок...

Эсфирь проследила за моим взглядом.

– Красавцы. В твоём будущем останутся?

– Тебе честно, – уточнил я, – или политкорректно?

– Разведчикам важна точность, – ответила она сердито. – А политкорректность засунь себе... или политикам сам знаешь куда.

– Какая ты неполиткорректная, – упрекнул я с удовольствием. – Эти избушки-развалюшки интересны разве что

для любителей, которым бы жить в пещерах без нынешней угнетающей их нежные души техники. Даже не представляешь, насколько мир будет интереснее и красивее нынешнего убожества, что сейчас кажется даже умным людям вершиной хай-тека и просто ах-ах!.. совершенством.

Она вздохнула.

– Не верю. Такую красоту в прошлом кто оставит?

– А где сейчас, – поинтересовался я, – романтичные ямщики, трубочисты Ганса Христиана, коробейники и прочие-прочие?.. Ямщики, правда, пересели за руль автомобилей, но уже и шоферы вот-вот исчезнут под натиском самоуправляемых автомобилей, которыми наконец-то оправдают свое название. Не скули, сама же сказала, нет таких, кто предпочел бы жить в том старом мире! Тогда только от простейшего туберкулеза умирали десятки миллионов человек в год.

Она покачала головой.

– Это тогда. А сейчас посмотри по сторонам, мебель ты бесчувственная!.. Посмотри, какой мир!

Я не стал крутить головой, и так все вижу, ответил мирно, с женщиной опасно спорить:

– Как во времена Гарун аль-Рашида. Та же сказочная роскошь, беспечность, радушие...

– Только вот нравы, – сказала она с объективностью девочки из консервативной семьи.

– Раскованнее?

Она посмотрела с удивлением.

– Ты что? Это как смотреть старые фотографии Ирана: все выглядит по-европейски, девушки с открытыми лицами, в макияже и в коротких юбках... а сейчас средневековье, женщины даже не в хиджабах, а в никабах, а то и в парандже!

– Но в Дубае сплошной праздник, – заметил я. – Даже при этом средневековье.

Ее глаза слегка расширились.

– Похоже, не знаешь, что здесь всего пятнадцать из ста местные, а все остальные – понаехавшие?.. Восемьдесят пять процентов населения без права гражданства!.. И соответствующих льгот.

Я двинул плечами.

– В обслуживающий персонал берут только мусульман из более бедного Йемена, Пакистана и прочих исламских стран, так что со стороны и не видно, если на виду только понаехавшие.

Мы въехали в предместье столицы Эмиратов. Автомобиль свернул на тихую улочку, некоторое время двигался вдоль ряда ухоженных домиков, затем Эсфирь направила его на небольшую стоянку перед аккуратным двухэтажным домиком из белого кирпича, но с красной черепичной крышей.

– Неплохо устроилась, – заметил я. – Домик как из мультика про Рапунцель.

Она покинула автомобиль, во взгляде мелькнуло недоверие.

– А разве твоя Рапунцель жила не на дереве?

– Если классику изучать по детским мультикам, – ответил я, – а не по классическим операм.

– Ого, – сказала она, – где-то в детстве афишу видел? Ну и память у тебя!

Я пояснил с достоинством:

– У меня в самом деле родители со старыми устоями... Ах да, у вас это значит, что ничего, кроме Торы, не читают...

Не отвечая, она с достоинством направилась к домику, но шаги замедлила, давая возможность программе успеть сканировать ее лицо и фигуру и тщательно сличить с заложенным в память образом.

– Надо прощ мощнее, – сказал я сварливо ей в спину, – уже есть даже в свободной продаже. И проги нужно ставить на самоапдейт...

Она не ответила, а когда взялась за дверную ручку, там пискнуло, сверху приглашающе вспыхнул и тут же погас зеленый огонек.

За дверью распахнулась широкая и очень типовая прихожая, что и понятно, если заглянет местная полиция, должны видеть, что и здесь «как у всех», памяти не за что потом зацепиться и все быстро сотрется из воспоминаний.

Справа большая роскошная гостиная, в Дубае даже у бедных гостиные комнаты большие и хорошо оборудованные, это уважение к гостю, слева кухня, столовая и малая гостиная, а наверх ведет лестница уже в личные покои, куда гости

ни за что не поднимутся, это осталось со времен, когда существовали женские половины для гарема.

Она кивком послала меня наверх, словно хозяин новую наложницу в свою спальню, я горестно вздохнул, но потащился на второй этаж, переступая через ступеньку.

– Хороший домик, – заметил я. – Сколько отдала?

– Аренда, – сообщила она.

– Сколько в месяц?

– Не знаю, – ответила она с полнейшим равнодушием. – Наша строительная фирма арендует. Это чтоб разные сотрудники могли приезжать и останавливаться, не бронируя номера в дорогих отелях. У нас деньги берегут, мы не русские, которые потому и нищие при всех своих природных богатствах.

Я спросил коварно:

– Эмир Мухаммад позволяет израильтянам что-то строить в своем королевском эмирате?

Она взглянула с холодным высокомерием.

– Я работаю в германской строительной фирме.

– Прости, Эсфирь, – сказал я примирительно, – Эсфирь Ройтблат... Хотя фамилия у тебя немецкая. Имя, кстати, тоже почти немецкое. На немецком ты Блюм.

– Звучит отвратительно.

– Но тебе идет, – ответил и торопливо добавил: – Вообще тебе все идет. Даже когда на тебе ничего лишнего.

Она покосилась в мою сторону с подозрением:

– Звучит как-то двусмысленно... Вообще-то для арабов мы все франки. Которые однажды остановили натиск их армии ислама в Европу почти под Парижем. Располагайся, можешь сделать кофе... а я сейчас вернусь.

Я проводил ее взглядом, уже подключился к внутренней сети и вижу маленькую комнату, которая вроде бы не существует в доме, так как защищена от любого подслушивания, оттуда свяжется со своими и получит инструкции, а я, понятно, за это время приготовлю кофе.

Для этого не нужно даже спускаться на первый этаж, вон на столе небольшой портативный аппарат на две чашки, моментально размелет зерна, приготовит и разольет по чашкам, а еще и пискнет «Готово!»

Когда она вышла, освеженная и поправляющая волосы, якобы все это время провела в душевой комнате, хотя в самом деле заскочила туда на минутку, я уже поставил на стол две чашки горячего парующего кофе и раскладывал на широкой плоской тарелке печенье.

– Ого, – сказала она и села напротив, – и печенье отыскал... Тебя в разведчики взяли не из домушников?.. Ой, и кофе латте.

Я сказал скромно:

– Мне показалось, что это тебе подходит больше. Что-то в тебе эдакое латтетное...

В ее взгляде промелькнуло удивление.

– Почему латте?

– Тебе идет, – объяснил я. – По твоему психологическому характеру подходит именно латте и в меньшей степени капучино.

Она указала взглядом на мою чашку:

– А себе эспрессо?

– Ну да, – ответил я и сделал большой глоток, выказывая, что мне начхать на древние правила этикета, – потому что я экспрессионист временами. Могу экспрессивные картины рисовать, но не стану.

– Почему?

– А на фига? – спросил я.

– Ну... это же высокое искусство.

Я сделал еще глоток, закрыл глаза от удовольствия.

– Хрень. Все хрень.

– Грубый ты, – сказала она с отвращением. – И невежественный.

– Лет через сорок-пятьдесят, – пояснил я, – не будет никакого искусства.

– Будет, – возразила она с вызовом.

Я взял печенье, переспросил:

– В новом мире?

Она сказала резко:

– А что будет?

– Вместо извозчиков появились самобеглые коляски, – сказал я. – Это еще могли предположить. Но вот Интернет никто и представить себе не мог... Прекрасное печенье, люб-

лю восточные лакомства!.. А новый мир будет в миллион раз непохожее... Да что там миллион! Вообще будет другим. Будь у тебя сейчас диапазон зрения пошире... ну-ну, не обижайся, я говорю о шкале инфракрасного до ультрафиолета, включая рентгеновское и прочие возможности видеть в гамма-лучах и всех прочих... так вот, ты бы видела эти картины... гм... иначе. Как нечто крайне примитивное и не использующее возможности. Что-то вроде детских каракуль, только хуже и глупее.

Она хмуро смотрела, как я жру восточные сласти и запиваю и без того сладким кофе, что крайне неинтеллигентно, но трансчеловеку насрать на то, что считается интеллигентностью в уходящем в прошлое веке, у трансчеловеков собственная гордость, на буржуев смотрим свысока.

– Ладно, – сказала она с вызовом, – если ты такой продвинутый, то как отбить эти заряды?

Я допил кофе, с сожалением посмотрел на кофейный агрегат.

– Отбить, это в каком смысле?

– Прямом.

– Понял-понял... Если заказать ему вторую, перегорит от усердия?

– Нет, – буркнула она.

– Тогда от жадности?

Она повернулась, коротко взмахнула рукой наискось и по горизонтали, словно режет кому-то горло. Аппарат недо-

вольно загрохотал, с треском перемалывая зерна, а я подумал, что кофе она пьет сама часто, судя по жесту: обычно самые простые присваиваем наиболее частым командам.

Я сам поднял и взял чашку, но огонек мигнул, предупреждая, что сейчас хлынет еще струя.

Эсфирь молча ждала, когда я наполню и поставлю обе чашки на стол, взяла свою и взглянула в упор.

– Так как?

Я сказал задумчиво:

– А если попробовать другой путь...

– Ну-ну? – сказала она в нетерпении. – Что-то ты какой-то заторможенный. Или еще не отмерз после своей Тугусии?

– Когда смотрю на тебя, – пояснил я, – такую злую и кровожадную, так хочется проявить себя в чем-то гуманитарном... Например, обойтись без стрельбы простым жульничеством.

Она посмотрела исподлобья.

– А сумеешь?

Я спросил обиженно:

– Думаешь, жульничать умеют только евреи?.. А вдруг я родом с Украины?.. Ага, вздрогнула. То-то.

– Говори, – сказала она в нетерпении. – Ты многословный, как итальянец.

– Если прийти к Хиггинсу, – сказал я, – и сообщить ему, нам, дескать, известно, что с Украины вам продали ядерные заряды. Конечно, наши информаторы поступили непорядоч-

но, поделившись такими сведениями, но за пару сот долларов некоторые и мать родную продадут, а что уж говорить, если речь о миллионе за такую информацию?

Она поморщилась.

– Вот так все просто?

– Иногда простота, – сказал я скромно, – лучше заумности. Ладно, отвергая мою святую простоту, предложи хитрый еврейский вариант.

Она старательно подумала, у женщин это заметно, это у нас никак не выражается, потому что все время о чем-то да думаем, пусть даже о бабах, а вот когда задумывается женщина – это всегда зрелище, пусть даже и не такое умиливательное, как когда о чем-то размышляет такое забавное существо, как, к примеру, Катенька.

– А если зайти с другого конца? – поинтересовалась она.

– Это по-еврейски, – одобрил я. – С какого?

– Отыскать шейха Хашима, – предложила она. – Покупателя эти заряды.

– И что ему скажем? – спросил я. – Посоветуем стать демократом?.. Ни один мужчина не согласится!

– Почему?

Я ответил по-еврейски вопросом на вопрос:

– А ты знаешь, какой у него гарем?

Она сказала язвительно:

– А при хорошем гареме ни один мужчина не пойдет в демократию?

– Конечно.

– Ни при каких условиях?

Я двинул плечами.

– А какие могут быть условия предпочтительнее? Миллионы, миллиарды долларов? Так их добывают, чтобы покупать женщин. Какой мужчина согласится на обратный обмен?

– Разве что станет импотентом, – предположила она задумчиво.

– А кто в этом признается? – спросил я. – Нет уж, все равно будет держать гарем. Разве что чуть сократит... Хотя, конечно, зерно в твоём чисто женском неприличном предположении есть. Шейх живет в старых координатах. Попробуй ему объяснить, что если распустит гарем и примет демократические ценности, то все женщины мира будут почти что в его гареме, а еще вполне легально можно в жены брать ишаков, коз, малолеток, в том числе самцов, а также все-все, что может измыслить свободное демократическое мышление.

Она поморщилась.

– Как вы, мужчины, в первую очередь понимаете демократию!

– Потому что мы по своей природе демократичны, – объяснил я. – Слышала о такой науке, как антропология?

– Это ловля бабочек?

– Нет, – сказал я, – ловля бабочек – это энтомология. Значит, шейх Хашим... Надо посмотреть...

Она оживилась, но взгляд бросила на меня крайне удивленный.

– Едем к нему?

– погоди, – сказал я, – сперва поищем его по планете... Ну, не в буквальном смысле.

– Именно так и думала, – заявила она сердито. – На меня непохоже. Ты же у нас думатель!

– Именно, – согласился я солидно. – Стратег!.. А не жаба ходячая.

– А в каком смысле?

– Сперва поищем по Дубаю, – объяснил я, – и его окрестностям.

Она посмотрела испытующе.

– Это займет месяцы. Или знаешь, где искать?

– Нет, – ответил я, – но сейчас узнаем. Если ты еще не знаешь, то в мире появился Интернет. Осталось только научиться им пользоваться...

– А ты умеешь?

– Сейчас посмотрим, – сказал я скромно.

Глава 2

Она с недоверием смотрела, как я вытащил планшет и быстро-быстро двигаю пиктограммки, печатаю что-то непонятное, бахвалясь перед женщиной, мужчины всегда бахвалятся, даже когда не бахвалятся.

Язык программирования, судя по ее лицу, незнаком, то ли что-то совсем новое, то ли самый низший, чем разбалованные программеры теперь пренебрегают, в конце концов вывел на экран вид со спутника на город, быстро отыскал крохотное здание отеля и прозумил его, не слишком теряя в четкости.

Эсфирь поинтересовалась с недоверием:

– Он там?

– Не знаю, – ответил я все так же скромно, – однако оставленные в инете следы привели сюда... Вид, как говорится, сверху. Ну, сама понимаешь, орел смотрит из-под небес. Если не поняла...

Она прервала:

– Да поняла, поняла! Орел ты наш изподнебесный.

– Вот-вот, – согласился я. – Даже орлище... Сейчас подключимся к этой системе...

Она смотрела непонимающими глазами, да и как понять, если сам не понимаю, никто не врубится в эту бессмыслицу, но нужно показать, что взламываю некие защитные системы,

вхожу в какие-то корпоративные сети, ищу, нахожу, используя свой исполинский потенциал доктора наук и навыки оперативной работы разведчика высшего и сверхвысшего класса.

На экране появились изображения интерьера комнат, я заглянул в одну, другую, третью, эти пустые, но в четвертой эротическая сцена, остановился посмотреть с интересом.

Эсфирь негодуяще фыркнула.

– Злая ты, – сказал я с сочувствием. – Это же демократия. И так можно, хотя вообще-то этот вариант и для меня в какой-то мере новость, если учитывать местные модификации...

Она фыркнула.

– Ну да, новость!.. В тоталитарных государствах, как у вас, такое можно только на тайных дачах. Вам так еще слаще, запретное всегда интереснее. Постой, а что это?

Я вернул изображение, но сразу покачал головой.

– Это просто богатый турок. В Турции тоже есть богатые, не знала?.. Хотя если богатый, то еврей точно, хоть и турок.

– Ищи шейха, – напомнила она.

Я сказал осторожно:

– Кажется, нашел...

Она затаила дыхание, глядя, как я вывожу на экран изображение то с одной камеры, то с другой, морщусь, все не устраивает такую цацу, наконец возник вид на роскошный коридор с рядом дверей через громадные промежутки, что

говорит о размере апартаментов.

– Что, – спросила она, глядя то на экран, то на мое довольное лицо, – что нашел?

Я кивнул на экран.

– Смотри. Вот как твой план рухнет.

Она наклонилась рядом, всматриваясь в экран ноутбука и касаясь моего плеча мягкой горячей грудью. В дальнем конце распахнулись двери лифта, выдвинулся богато сервированный столик на колесах.

Официант выкатил привычно красиво и торжественно, каждый гость на этом этаже почти король. Благодаря богатым клиентам отель живет, процветает и повышает свой рейтинг, а тем самым и чистую прибыль, это усвоили даже в социалистических странах.

Поближе к камере застыли по обе стороны двери двое рослых и подтянутых мужчин в строгих деловых костюмах. Мой мозг, изнаывающий от безработицы, тут же отыскал о них все, что попало в Сеть и что мог нарыть из телефонных разговоров, эсэмэсок, скайпа и прочих мессенджеров.

Один успел побывать в настоящих боевых действиях в Йемене, второй не покидал столиц Европы, охраняя важных персон и обеспечивая безопасность секретных комплексов. Оба тертые, крутые и повидавшие мир.

Официант в недоумении остановился по жесту одного, второй отстранил его в сторону, а первый охранник тщательно осмотрел все блюда, поднимая блестящие металлические

крышки, отодвинул обе дверцы по бокам и посмотрел, что внутри, даже я увидел пару бутылок вина и кулинарные деликатесы.

Эсфирь шепнула зло:

– Что они там хотят отыскать? Убийцу с пулеметом?

– Смотри-смотри, – сказал я.

Когда с осмотром было покончено, официант потянулся было к своей повозке, но первый охранник придержал его за плечо.

– Нет-нет, мы сами.

Голос прозвучал строго, официант опустил руки. Второй вернулся к двери, постучал и, дождавшись, ответа, сказал негромко:

– Ибрагим, Бурак бьет копытом.

Эсфирь вздохнула, так не пройти, даже знакомому голосу Ибрагим не верит, требуется еще и условное слово, что говорит не под дулом пистолета.

– Ваша репутация, – сказал я поощрительно. – Вон как Моссада боятся!

Она буркнула:

– Это комплимент?

– Не знаю, – ответил я, – конституция. В смысле, константа... констатация!

– Еле выговорил, да?

На экране дверь приоткрылась, я успел увидеть лицо не Хашима, а такое же сильное, волевое, как у охранников в ко-

ридоре, лицо молодого мужчины, словно только что из тренировочного лагеря американского спецназа первого выпуска.

Первый вкатил тележку и тут же вышел, настороженно поглядывая по сторонам.

Официант мирно ждал, когда выкатят обратно, это заняло какое-то время, но первый охранник что-то выслушал, кивнул. Я думал, вручит официанту купюру, но на столике уже лежат пара бумажек на чистом блюде.

Похоже, сумма приличная, официант расцвел, как майская роза, поклонился, прижав руку к сердцу, и, чуть ли не подпрыгивая, погнал пустую тележку обратно к лифту.

– Да, – проговорила Эсфирь с неохотой, – этот вариант... затруднителен.

– Увы, – согласился я, – не для сопливых.

Она ожгла меня взглядом.

– Можно подумать, у тебя бы все вышло!

– Что ты, – сказал я таким тоном, что даже не взялся бы за такой пустяк, – куда мне...

Она прошлась по комнате, быстрая и грациозная, полная злой силы, но женщина всегда найдет виноватого, если рядом мужчина.

Я сижу тихонько, помалкиваю, она развернулась ко мне круто, как в испанском танце, глаза полыхнули, словно молнии.

– Чего сидишь? Сидят тут всякие... Еще и развалился!

Ты что-то должен придумать!

– Почему я?

– Ты мужчина или нет?

– А как же равноправие? – пискнул я голосом европейско-демократа. – Не будет ли это ущемлением женских прав, свобод и чего-то там еще вроде харасмента твоих потаенных инстинктов...

– Не продолжай, – прервала она. – От тебя ничего, кроме гнусностей, не услышать.

– Молчу, – сказал я покорно.

– Нет, – возразила она, – ты скажи, как ликвидировать этого Хашима, а потом молчи в тряпочку!

Я вздохнул, развел руками.

– Это вопрос тактики, а я стратег. Мне бы миром править, а ты с такими мелкими вопросиками! Это умаление моего мужского эго.

– Мелкими вопросиками? – сказала она резко. – Вопрос выживания Израиля!

Я отмахнулся.

– Выживет. Даже под Вавилоном выжил, как и под Римом, а теперь и вовсе... Да и вообще...

– Что?

– Подумаешь, – сказал я с небрежностью, – точка на карте мира!.. Я вот думаю над расширением галактик!.. И в то же время не уверен, что разбегаются, а не начали сбегаться. Свет ползет медленно, видим то, что было там сотни милли-

онов лет тому... А ты как считаешь, сбегаются или разбегаются?

Она отрезала:

– Для меня Израиль и есть вселенная. И не пытайся даже, понял?

– Чего не пытаться?

– Всего, – пояснила она. – Как до этой осторожной сволочи добраться?.. Даже к окнам никогда не подходит!

– А то бы с крыши напротив?

– А что лыбишься? У меня медаль за стрельбу!

Я ухмыльнулся.

– Это было в школьных соревнованиях.

– В университетских, – сказала она зло. – Всемирная студенческая олимпиада!

– Второе место, – напомнил я нагло. – А первое получила бурятка из Улан-Удэ.

Она огрызнулась:

– У вас вся армия на бурятах. Я тоже читаю американскую прессу!

– В европейской пишут то же самое, – заверил я. – Посмели бы писать иначе, чем велит дядя Сэм! В общем, янки раскрыли секрет нашей непобедимости. Может, и вам подумать насчет бурятской дивизии? Провести им массовое обрезание, надеть под шлемы кипы, отрастить пейсы, всего-то делов!.. А что Тору не знают, так кто у вас ее знает?

– Подумаем, – буркнула она.

– Кто бы сомневался!

– А теперь, стратег, признаешься в бессилии решать тактические вопросы?

– Просто не снисхожу со своих высот, – пояснил я скромно.

– Ну снизойди!

– Чего ради?.. Я мир готовлюсь спасать. Надо копить энергию. Вот сейчас полежу, потом поем...

– Я тебе поем, я тебе поем!.. Ты сегодня уже ел!

Хорошее время наступило, подумалось мне само по себе. Каждая женщина, с которой даже просто вступаешь в разговор, ведет себя как жена, что естественно в открытом демократическом обществе.

Такое было бы невысказано в диком прошлом, где существовали ревность и права на женщину, а сейчас эти анахронизмы остались только в исламском мире.

Человечество превращается в одну семью, хотелось бы добавить «большую и дружную», но даже в мелких семьях не всегда все дружно, но все-таки семья – другой уровень общения и доверия, так что мир идет в нужном направлении.

– Уже поздно, – сказал я с искренним сожалением, потому что самому жалко треть жизни отдавать на сон, в котором меня не существует, а только что-то ремонтируется в носителе, на котором я в записи. – Пока доедем до Хиггинса, он уже спать ляжет.

Она спросила сердито:

– Ты на что намекаешь?

– Что могу остаться спать у тебя, – сообщил я великодушно. – Я добрый. Можешь и ты рядом... с кроватью. Там хороший коврик, уже посмотрел. Только согнуться придется, но у тебя получится, ты еще не слишком...

– Не слишком чего? – спросила она с подозрением.

– Не слишком толстая, – пояснил я. – Поместишься.

Глава 3

Мозг продолжает работу, я уже почти привык, что он смотрит и за тем, чем в Центре Мацанюка заняты Герашенко и моя команда ассистентов, видит на камерах Берлина, как мигранты жгут автомобильные покрышки и забрасывают коктейлем Молотова полицейские участки, следит за всеми научными журналами как в нейрофизиологии, так и по всем смежным областям, откуда что-то можно позаимствовать для своих экспериментов...

В какой-то момент в черепе будто зажглась лампочка, ментально осветилась во всех подробностях огромная и красочная картина, где все цветные камешки лежат один к одному без зазора.

– Вот оно что, – сказал я в изумлении, – так ты в самом деле за ядерными зарядами...

Она насторожилась, спросила резко:

– Ты о чем?

– Говорю, – пояснил я, – у тебя специализация даже шире, чем я думал. Ты настолько хорошо владеешь арабским, что я решил, будто тебя забросили сюда задолго до этих ядерных зарядов.

Она посмотрела свысока.

– Хочешь сказать, я такая старая?

– Напрашиваешься на комплимент, – поинтересовался

я, – или это еврейская привычка отвечать на вопрос вопросом?

– А у тебя? – спросила она.

– Сдаюсь, – сказал я. – Значит, твое основное задание здесь кого-то убивать и грабить?

Она посмотрела на меня в изумлении.

– Почему это убивать?

– Репутация, – напомнил я. – После мюнхенской Олимпиады вы охотились по всему миру за теми террористами, потом убивали любых физиков-ядерщиков в Иране, Ираке, Сирии, Ливане... и вообще с террористами переговоров не ведете, а только убиваете.

Она сказала с сарказмом:

– А в Бангладеш?

– А-а, – сказал я. – Там тоже вы, оказывается, всех перебили?

Она вздохнула.

– Так вот, оказывается, какая у нас репутация? Как будто евреи настолько поглупели, что ничего хитрого уже не придумают!

– А знаешь, – сказал я, – самым умным бывает выстрел в упор. Ну, ладно, иногда издали из дальнобойной снайперской, это больше в вашем характере... Так за кем охотитесь? Вроде бы физиков-ядерщиков не вижу поблизости.

– А ядерщики что, наш пунктик?

– Точно, – сказал я. – Вы же их по всему миру истребля-

ете! Чтобы только у вас была атомная бомба!

– Точно, – сказала она с тем же сарказмом. – Только в Израиле и осталась атомная бомба.

– А что, – спросил я, – разве во всем регионе ядерное оружие еще у кого-то, кроме Израиля? Страшно представить, если бы оно оказалось у Ирака, Сирии, Ливии и в прочих йеменах.

Она посмотрела на меня с подозрением.

– Ты что... оправдываешь?

– Крутые меры? – спросил я. – Сейчас мир без них издохнет очень быстро. Потому нужны не крутые меры, а очень даже... иные.

Она смерила меня пытливым взглядом.

– А ты... товарищ Лавронов... как раз что-то иное... особенное.

– Мир уже иной, – сообщил я ей новость. – А я всего лишь первый.

– Из особенных?

– Точно.

Она продолжала рассматривать меня внимательно.

– Все еще не пойму, хорошее нас ждет будущее или ужасное.

– Новое всех страшит, – сообщил я покровительственно. – Многие до сих пор кричат, что Интернет и смартфоны им жизнь испортили.

– Но в леса жить не уходят, – согласилась она. – И от Ин-

тернета не отказываются.

Мне показалось, что она напряглась, как туго натянутая тетива перед выстрелом, сказал поспешно:

– Эсфирь, я здесь не из-за этих ядерных зарядов, уверяю! Хотя из-за них тоже, но это малость...

Она не сводила с меня пристального взгляда.

– Уверения в нашей профессии ничего не стоят. А то, что ты только нейрофизиолог, бабушке своей говори.

Я сказал с подчеркнутой обидой:

– Считаешь, прикрытие?

– Нет, – ответила она вынужденно, – нейрофизиолог ты хороший, судя по статьям в научных журналах США, Англии, Германии и Японии.

Я сказал язвительно:

– А сейчас прикидываешь, сколько это ГРУ пришлось потрудиться, чтобы такое сочинить...

Она кивнула.

– Именно. Так что да, у тебя хорошее... имя. Но и в Моссаде работают не только безмозглые, что умеют хорошо бегать, водить авто и стрелять. Но твоя роль, как ты сказал, в деле с этими зарядами... только эпизод?

– Трудно поверить? – спросил я. – Эсфирь, уже говорил и еще раз повторю: у меня другая задача. А понял по тому... извини, по утвердившемуся мнению, что боретесь за монополию в ядерном оружии. Потому и ядерные центры в соседних странах бомбите, и физиков-ядерщиков отстреливаете

всех, кого ни попадя.

Она зло сверкнула глазищами.

– Только тех, кто работает над созданием ядерного оружия!

– Правда? – спросил я с наигранным изумлением. – Не лишай мир такой красивой страшилки. Пусть хотя бы Моссад останется нетолерантным в этом быстро гниющем мире.

– Подлец, – сказала она сердито. – Тебе хаханьки, а у нас это больное место!

– Что, – поинтересовался я, – и там толерантность?

– Прикидываться мы можем всякими, – отрезала она, – но в основе разведчики должны быть чисты и тверды как сталь!

Я вскинул руки ладонями вверх.

– Сдаюсь! Ты права. Я подлец. Можешь меня в плену не кормить, но изнасиловать по праву победителя просто обязана.

Она зло осмотрела исподлобья все еще горящими глазами.

– Над этим подумаю. Но не сейчас... сейчас я еще злая. Разорву в клочья!

– А насиловать когда? – робко поинтересовался я.

– Минут через пять, – сообщила она.

Я охнул.

– Чего так долго?.. Мне казалось, ты хоть и злая, но отходчивая.

– Чего так решил? Ах да, ты же нейрофизиолог. И трудно

было придумать такую личину?

Я двинул плечами.

– Не знаю. Это же ГРУ писало за меня работы, публиковало в научных журналах, училось в университете, даже в начальной школе... У нас вербуют в ряды рано, так что я закаленный овощ и стойкий партийный товарищ. Почти как в Моссаде, только не такой... интеллигентный.

Она вздохнула.

– Нам бы сбросить хоть немножко этой интеллигентности! Что-то бы взять от русских свиней.

Я сказал весело:

– Да ладно, мы же от жидов набрались вашей выживаемости?.. Вон в который раз Россию из пепла поднимаем... да еще до каких высот! Правда, с помощью русских евреев, что хорошо помогают бороться с американскими евреями и даже проклятыми сионистами Израиля и всяких еще зачем-то существующих стран.

– Ладно, – ответила она, – дуй в душ, а потом марш в постель. Насиловать буду.

– Так пять минут еще не прошло? – спросил я опасливо.

– Я в эти пять минут включила и душевую, – объяснила она. – Давай быстро, пока я еще злая!

Красиво по-мужски роняя по дороге одежду на пол, я прошел в ванную, холодная вода ударила мелкими тугими струями. Как хорошо, раскаленное зноем тело едва не зашипело, как выдернутый из горна клещами кузнеца кусок металла.

Я подвигался, шлепая мокрыми подошвами по кафельному полу, подключился к сети, хотя вообще-то мой мозг, вот же человеческое любопытство, все время там шарит, но сейчас я подключился целенаправленно, скользнул в далекую Россию, отыскал наше здание и, войдя в систему наблюдения, некоторое время смотрел и слушал, о чем говорят Ивар и Данко, задавая в нашем Центре тон, хотя Гаврош тоже крепко стоит на ногах и постоянно дает отпор посягательству на его интересы.

В мое отсутствие пришел даже Мануйленко, мне казалось, он сидит безвылазно в своей комнате потому, что анахорет по натуре, зажатенький, но, оказывается, стесняется только в присутствии начальства, это я начальство, надо привыкать, а так говорит хоть и крайне вежливо и с обтекаемыми формулировками, но достаточно уверенно.

Оксана больше прислушивается и присматривается, коллектив все-таки мужской. А то, что она в нем, это ее личная заслуга, а не разрядка по квотам, и надо еще доказывать, что не уступает здешним самцам, которые в первую очередь видят ее украинские сиськи и немецкую жопу.

Некоторое время я с вялым интересом слушал, о чем говорят. В дикую старину, когда люди были еще невежественными и обремененными, подслушивание считалось неприличным, тогда еще в ходу была примитивная формула «Мой дом – моя крепость», что сейчас не только совсем смешно, но и опасно, ни одно общество не должно позволять даже

возможности кому-то собирать на дому атомную бомбу.

Пусть даже не атомную, все равно ради безопасности десятков, а то и сотен людей на улицах, в кафе, школах и везде-везде всем придется поступиться той частичкой свободы, которая вообще-то никому и не нужна, то есть возможностью в любой момент увидеть, что тот или иной человек делает.

Тот, кто ничего преступного не делает, может вообще забыть о всеобщем наблюдении: когда оно за всеми, то его как бы и нет вовсе. Это первый шаг к тому, что совсем скоро с помощью нейроимплантов сможем связываться друг с другом напрямую, передавая не только изображение и слова, но и чувства, а вот тогда придет время настоящего дискомфорта и потрясения основ...

Из комнаты раздался сердитый голос:

– Ты там не заснул?

– Иду, – ответил я поспешно и закрыл кран. – Не поверишь, о тебе думал!

– Конечно, – донесся ее голос, – не поверю.

– Молодец, – одобрил я и вышел, не озаботившись повязаться полотенцем вокруг бедер, здесь такое же видеонаблюдение, как и в душевой кабинке. – Ты все понимаешь, ассасинка.

– Кто-кто?

– Расхитительница гробниц, – уточнил я. – Та самая.

Она бросила взгляд в зеркало.

– Спасибо. Умеешь, мерзавец, говорить отвратительно приятные вещи.

Когда люди заняты делом, хоть общим, хоть каждый своим, то, оказавшись в постели, ведут себя очень даже естественно, даже если только-только увидели друг друга.

А мы по современным меркам знаем один другого чуть ли не вечность, так что повязались быстро, хоть и с азартом, как молодые супруги, уже не стесняющиеся партнера, а потом я подгрел ее ближе и, прижав, как щенка, к пузу, крепко заснул.

Проснулся распластанным, как рыба на столе умелой хозяйкой, голова Эсфири на моем плече, ее согнутая в колене нога почти на груди, а когда я начал выныривать из глубин сладкого сна, услышал деловитый голос:

– Что-нибудь придумал?

Я просипел сонным голосом:

– Ночью сплю, а не деньги считаю, будто еврей какой!.. А потом, пока не возьму в ладони большую чашку горячего крепкого кофе, обязательно сладкого, меня вообще нет в этом мире!

– А в каком есть?.. На Лубянке?

– Как бы не существую, – проговорил я сонно. – Есть только твердотельно-жидкий хард. Поняла? На котором еще не активирована прога моей уникальной и высокодуховной личности.

Она сказала почти в ухо:

– Активирует кофе?

– Есть и другие способы, – ответил я уклончиво, – но предпочитаю кофе. Я тонкая личность с толстыми взглядами и прозрачными намерениями.

Она тяжело вздохнула.

– Садист. Пойду готовить, раз уж ты такой нежный.

– Я сложный, – сказал я скромно. – Это ты создана на уровне BIOSа, а я многоуровневая оболочка.

Она фыркнула, сошвырнула на меня одеяло и поднялась, красивая и обнаженная.

– Значит, тебя выведет из строя любой вирус?..

– BIOSу вирусы не страшны, – согласился я, – здесь ты по-женски права. Потому и должна беречь меня особенно трепетно и нежно!

Она гордо отвернулась и пошлепала босыми ступнями на кухню, прямоспинная и с красиво широкими плечами.

Кофе у нее просто замечательный, что значит крепкий. У меня, как у мужчины с интеллектом, это практически единственное требование к кофе.

Некоторые, что с комплексами, щеголяют знанием десятков видов, а то и больше, а также сортов и способов приготовления, хотя это скорее говорит об отсутствии интеллекта, лишь о памяти и зажатости, когда человечку хоть в чем-то жаждется выглядеть умным, значительным и хоть в чем-то

больше знающим, чем другие.

Эсфирь придвинула ко мне блюдце со сладким и рассыпающимся во рту печеньем.

– Жри, жри. Разорь мой страну, чужеземец.

– С удовольствием, – ответил я.

Она спросила с подозрением:

– Что с удовольствием? Страну разорять или чужое печенье жрать?

– Так я и за тебя, – пояснил я. – Вон ты какая толстая. А мне можно. Мужчины даже толстые все красавцы, если при деньгах.

– Что с Хиггинсом? – напомнила она требовательно.

Я отставил опустевшую чашку, покосился на остатки печенья.

– Налей еще. Почему все евреи такие жадные?..

– Сахару сколько? Пять или шесть?

– Три, – сказал я, – но так, чтоб я видел. Не жадничай, у вас Моссаду Рокфеллеры отстегивают такие деньги, не вышпечешь... А еще и Ротшильды добавляют. В общем, вариант есть. Только их слишком много. Нужно перебрать... и выбрать.

– Какая скромность, – съязвила она.

– Я такой, – согласился я. – Но лучший вариант – мужской.

– Ворваться, стреляя направо и налево?

– А также перед собой, – сказал я, – расчищая дорогу к

светлому будущему трансгуманизма.

– Если это прямой, то что такое примитивный?

– Прямой путь, – напомнил я, – кратчайший. Но настоящие герои всегда идут в обход, потому предпочту просто уговорить. Убедить, мы живем в век компромиссов между прибылью и совестью. Предложить более выгодные с точки зрения демократии варианты.

Она посмотрела исподлобья.

– Ты серьезно?

– Абсолютно, – заверил я, но уточнил: – насколько это возможно с женщиной. Красивой женщиной. Мужчины, в отличие от вас, руководствуются разумом, а не эмоциями. Потому, если расположить слова геометрически правильно, можно обрисовать картину предельно ясно и четко, когда сразу видно, что выгодно, а что нет.

Она покачала головой, не сводя с меня взгляда.

– И в чем будешь убеждать?

– Отдать заряды мне, – ответил я.

Она поморщилась.

– Для этого ему нужно ломать пальцы и пилить зубы с месяц, а потом еще дня три. А ты хочешь за один вечер?

– Хочу, – ответил я.

– Хотеть не вредно.

– Теперь все вредно, – сообщил я. – Но, думаю, стоит попробовать. А кости ломать, фи, грубо. Как дикари какие-то. Стыдно за вас. Какие-то звери в вашем Моссаде...

– То ли дело в КГБ, – ответила она в тон.

– Да, – согласился я. – Там только одухотворенные личности.

Глава 4

Я не видел, что и как она нажимала в торце письменного стола, но через мгновение несколько картинно вытащила то, что мне показалось замаскированным ящиком прямо под крышкой стола.

Правда, это всего лишь широкая доска, где живописно расположился десяток пистолетов, начиная от массивных «вальтеров» и заканчивая «пистолетами последнего шанса».

– Выбирай.

Я вздохнул.

– Ладно, если это необходимо... Только не обижайся, если потеряю по дороге.

– Ты такой рассеянный?

Я развел руками.

– Профессора все рассеянные и чудаковатые. Ладно, вот этот чем-то элегантнее. Совсем как я.

Она бросила взгляд на пистолет в моей руке, в глазах блеснула злая искорка.

– А-а, попался!

Я изумился:

– Ты чего?

– Ты взял «беретту пико», – сказала она победно, – отодвинув «беретту нано», хотя не всякий спец знает разницу. Последняя модель для спецназа! Выпущено не больше де-

сятка экземпляров, ясно? Потому что каждый приходится доводить и подгонять с микронной точностью профессиональным ювелирам.

– Ого, – сказал я, – не думал, что у меня вкус на драгоценности. И чем эта штука хороша?..

– Отдача мощная, – сообщила она, – но на близком расстоянии прошибает даже новейшие бронежилеты. Если зарядить бронебойными или с усиленным наконечником, то пробивает даже стенки бронетранспортера.

– Я не потому...

– А чем заинтересовал?

– Дальность и точность, – сказал я и пояснил: – Так мне кажется, как ученику Кювье, что по одной косточке мог восстановить облик динозавра или птеродактиля. А еще здесь явно достигнут минимальный разброс пуль.

Она смотрела испытующе.

– Ты не снайпер, случаем?

– Обижаешь, – ответил я с достоинством. – Я ученый!..

Просто для ученых важна точность.

Она сказала ядовито:

– Понятно, теперь эта профессия называется «ученые».

Какие только эвфемизмы не возникают в этом сумасшедшем мире!

Я сказал с неохотой:

– Ладно, одевайся, и поехали. Хотя тебе с твоей фигурой можно и так. Время – деньги, как говорят евреи.

Она огрызнулась:

– Евреи так не говорят!

– А как?

– Деньги – это свобода, выкованная из золота.

– Круто, – признал я.

Оделась она не по-женски быстро, на плечи набросила темный платок с крохотным узором по краю, в случае необходимости можно сразу укрыть голову, чтобы не сердить старшее поколение... да и молодежь, что по нраву более древняя, чем нынешние старики Эмиратов или Ирана.

Вообще-то платок для женщины и шапка для мужчины всегда были больше чем средством для укрытия головы от солнца, дождя и снега. Даже в хорошую погоду женщина в платке – достойная женщина, а без платка – городская распутница. «Простоволосая», значит, обесчещенная.

У мужчин то же самое, в военное время голову защищает шлем, в невоенное – шляпа, указывая на его достоинство. Шляпу снимаем перед более достойным, а если некто ни перед кем не обнажает голову, то это либо король, либо в данном регионе самый главный.

И понятие «опростоволосился» равнозначно нынешнему «обосрался». Так вот я, скажем по-старинному, опростоволосился с поиском атомных зарядов. А это значит, нужно развивать свою сенсорику, чтобы опираться не только на подслушанные и подсмотренные разговоры и картинки, а на что-то еще, что можно выжать из редактирования моего ге-

нома.

На выходе из дома она бросила настороженные взгляды по сторонам, что и понятно: разведчикам опасаться нечего, а вот шпионам грозит мучительная смерть. Если же шпион из такой омерзительной страны, как Израиль, то в исламском мире поимка отвратительного гада вообще праздник.

Я сел первым и открыл для нее дверь изнутри, она опустилась за руль с таким усталым видом, словно неделю работала в каменоломне.

– Ладно, пристегнись, поехали.

– Уже, – сказал я, – будь осторожна, дорога мокрая. Хотя дождя я не заметил...

– Здесь улицы поливают трижды в сутки, – буркнула она. – И ты это знаешь.

– Откуда? – возразил я. – Ученые такие невнимательные... и рассеянные.

– Правда?

Я сказал, оправдываясь:

– А кто из мужчин не заметит твои вторичные признаки? Даже женщины зыркают и отвлекаются.

Она вела автомобиль быстро и сосредоточенно, устремив взгляд на дорогу впереди и ни на миг не отводя в сторону.

Я открыл бардачок, Эсфирь с неодобрением взглянула, как я сунул туда пистолет.

– Пусть полежит. Надеюсь, не продашь, пока меня не будет.

Она ответила резко:

– Я пойду с тобой!

– Нет, – отрезал я. – Нет. Такие вопросы решаются наедине. Без свидетелей, тем более без болтливых женщин.

– Я не болтливая.

– Женщины все болтливые, – сообщил я ей новость. – Или они не женщины. Думаю, и Хиггинс удалит всех посторонних с места нашего разговора.

Она покривилась, но хотя женщины рационально мыслить не умеют, однако в разведке их приучают хотя бы поступать рационально, потому посопела, поворчала про себя и сказала с неохотой:

– Как знаешь.

– Спасибо.

– Но я уверена, что смогла бы подыграть.

– Дорогая, – ответил я ласково, – когда речь идет насчет атомных зарядов, женские чары не срабатывают.

– При чем тут чары, – возразила она, но уже без напора, просто потому, что возразить хочется, на самом деле действительно привыкла полагаться на свое обаяние, – я же не новичок в разведке!

– Ага, проболталась!

– Ничуть, ты все не так понимаешь. Просто знаю, когда что сказать.

– Это если допустят до разговора взрослых мальчиков, – уточнил я. – Но, скорее всего, увидев еще и женщину, никто

со мной говорить не захочет. Женщина на корабле – плохая примета.

– Какой-то корабль?

– Мы все на корабле, – напомнил я. – Космическом, по имени Земля.

Она дернула плечом.

– Ладно. Посмотрим, насколько ты хорош как переговорщик.

– Ты лучше, – согласился я и добавил со смиренным укором, – вон даже меня уболтала и в грех ввела...

– Чего-чего?

– Стыдно вспомнить, что ты со мной делала, утоляя свою разнузданную похоть.

– Свою? А не твою?

– Я ничего не гарантирую, – напомнил я. – Просто нужно пробовать сперва такие варианты, как поговорить, попросить закурить, спросить, как пройти в библиотеку. Если не получится, тогда уже кувалдой в лоб... Но я, как человек очень глубоко в душе мирный, убежден, что в высокодуховном мире можно и без стрельбы.

Она спросила язвительно:

– Как? Ледорубом по башке?.. А если получится криво, то додушить?

– Все думаешь о своих удовольствиях, – укорил я. – Но большевики не ищут легких путей.

– Это я заметила, – ответила она. – Один только тот бое-

вик чего стоит, которого ты зачем-то отпустил...

– Это Дуглас? – переспросил я. – Да просто пожалел.

Она воззрилась на меня в великом изумлении.

– Ты?.. Да ты самый черствый и жестокий человек на свете! У тебя вовсе нет сердца!

– А что у меня качает кровь? – спросил я. – Дуглас вообще-то был хорош и предельно честен, но его пару раз подставили сослуживцы, а начальство предпочло встать на сторону коррумпированного большинства вместо того, чтобы защитить своего преданного бойца. Думаю, в руководстве были мерзавцы, что промышляли контрабандой в крупных масштабах.

– Сочувствую, – буркнула она. – Но я бы боролась.

– Он тоже боролся, – ответил я. – Пока не упекли за решетку по сфабрикованному обвинению. Тогда озлился окончательно. Навыки спецназовца помогли выжить в тюрьме первый год, а потом они же дали возможность организовать бунт и под его прикрытием бежать... И с тех пор он один из самых опасных наемников.

– М-да, – пробормотала она задумчиво, – если встретимся, я его, конечно, убью, но... с сочувствием.

– Вот почему женщин нет в стратегах, – заметил я.

– А что не так?

– Дугласа можно использовать, – пояснил я. – Да, как наемника, но для благих целей. Где самим нельзя засветиться... или испачкать имя. А потом со временем поднести эти

дела как сделанные во имя родины... придумаем, какой, и он получит не только прощение и реабилитацию, но и пару наград. Что обелит его перед семьей.

– У него есть семья?

– Жена уже бросила, – сказал я, – нормальная женщина, как и все вы, предательницы. Но двое детей вряд ли папу забыли. У них сердечки еще чистые, честные, добру открытые... И будут горды, если окажется, что папа не преступник, это было только прикрытие для его опасных операций.

Она буркнула:

– Подумаешь, стратег. Слишком далеко заглядываешь. А тут завтрашний день может все изменить... Вон тот дом и есть вилла Хиггинса?

– Я думал, Моссад в курсе.

– Мы знаем его квартиру в городе, – отрезала она сердито.

– Думаю, – сказал я, – сюда он не только баб возит.

– Похож?

Она помолчала, всматриваясь в одинокий дом в конце дороги. Хотя дорога идет и дальше, но здание выглядит так, словно именно на нем заканчивается город, а дальше непонятный мир, который нужно обязательно освоить до последнего дюйма, прежде чем лезть на всякие там марсы и юпитеры.

– Что-то мне как-то не по себе, – призналась она. – Вроде бы идешь ты, не жалко, и так достал, но все равно, вдруг дело пострадает?

– Жалостливая ты, – согласился я. – Даже добрая. Твои близко?

Она покачала головой.

– К сожалению, сейчас как раз далеко. В смысле, помочь не смогут.

– Вот и хорошо, – ответил я. – Значит, действуем одни. Жди здесь, я отлучусь минут на девять. Может быть, даже на десять, но, полагаю, все-таки уложусь в девять.

Она молча смотрела, как я вытащил смартфон и вожу пальцем по тачскрину, спросила наконец с надеждой в голосе:

– Приведешь помощь?

– Увы, – ответил я, – это ты с отрядом, а я один, как Карузо. Но помощь приведу. Одно только тревожит...

– Что? – спросила она быстро. – Говори, не мямли.

Я указал взглядом на экран.

– Хиггинса в доме нет. Никаких следов. Когда выехали, был и вроде бы не намеревался отлучаться... А сейчас исчез. По крайней мере, не обнаруживается...

Она предположила:

– Может быть, в «комнате паники»?

– Может, – согласился я. – Хотя с чего там уединяться, когда опасности нет?..

– Тогда сиди, – велела она. – Нужно дождаться. Иначе пойдем туда зря.

– Да ну, – ответил я, – кто бы подумал, капитан.

– Я не капитан!

– Правда? – спросил я. – Ах да, капитан Очевидность вообще-то самец, но по меньшей мере блондин.

– Я брюнетка, – напомнила она с высокомерием урожденной блондинки.

– Брюнетка равна блондину, – сказал я с объективностью ученого, которому важны точные значения на шкале измерений. – Примерно так и думал.

– В таком громадном дворце, – ответила она, – есть где потеряться... но все равно нужно знать точно, где искать.

– Или хотя бы, – уточнил я, – что он там, а перевернуть все и найти сумеем.

Она помолчала, а я, поглядывая на здание, одновременно попытался представить себе мир, когда все смогут подключаться напрямую к Интернету, к спутниковой связи и вообще ко всему, к чему могу сейчас я. Такое время наступит вот-вот, а я при всей своей быстродумности не могу сообразить, во что это выльется, если вот так просто, без регулировки в жестком ручном режиме.

Страшновато и, как мне кажется, очень много джокеров.

– Чего молчишь? – спросила она вдруг.

Я буркнул без охоты:

– А ты что-то спрашивала?

– Нет, – заявила она, – но ты должен развлекать женщину.

– А как насчет равноправия? – поинтересовался я.

– А я из консервативной семьи, – напомнила она с чув-

ством превосходства. – Даже из ультраконсервативной.

– Как удобно, – согласился я. – А я вот из ультрасовременной. Весь мир консервов мы разрушим...

– Чудовище.

– Наступает мир чудовищ, – согласился я. – А ты не чудовище с точки зрения даже очень просвещенных людей средних веков?.. Отвратительная и дико распущенная и развратная женщина с омерзительными манерами. Но ты считаешь это свободой... Так что все зависит от точки отсчета.

– Точки зрения.

– Да, точки зрения. Но и твои свободы в этой стране выглядят кощунством, не так ли?

Она двинула плечами.

– Здесь все еще средневековье. Приправленное техническим прогрессом, позаимствованным с Запада.

Некоторое время мы молчали, она иногда прикладывала к глазам окуляры бинокля, вглядываясь в фасад здания, словно Хиггинс выйдет на балкон и будет там делать утренние упражнения, а моя мысль, что постоянно ищет себе работу, а когда не находит, то такой хренью занимается, начала представлять клубок проблем, с которыми столкнется человек, так как он сейчас всего лишь короткий этап от обезьяны к сингуляру, даже очень-очень короткий.

Как-то давно видел яркую картинку для слабопонимающих: там начертили циферблат часов, а на нем выделили сектор от Большого взрыва до появления первых звезд, это

заняло три четверти циферблата, затем период на создание планет, на это ушла почти вся последняя четверть, и только самый крохотный участок, меньше процента, отвели на возникновение жизни и развитие ее до простейших амёб...

На отдельном циферблате взяли те же двенадцать часов, посвятив его теме жизни: там от простейших до динозавров путь снова на три четверти, на появление млекопитающих – оставшаяся четверть, и только на последней секунде появился человек...

Так что вся человеческая цивилизация на вселенских часах умещается в миллионные доли секунды. Не успеешь вообще заметить, как вдруг откуда-то возник человек и тут же исчез...

Эсфирь завозилась на соседнем сиденье, словно снизу вылезли шипы и царапают ей упругую задницу, бросила на меня сердитый взгляд.

– Не спишь?

– Работаю, – ответил я.

Она вскинула брови.

– Как? Не вижу, чтобы таскал камни.

– А я их таскаю, – заверил я. – Интересно... смотрю на тебя и... даже жалко, что в сингулярности не будет разделения на мужчин и женщин.

Она фыркнула.

– Никогда такого не будет!

– Понятие пола исчезнет, – заверил я. – Каждый смо-

жет конструировать тело как хочет, а свойства в него будет вписывать сам. Либо какие изволит, либо какие в данный момент в тренде. Боюсь, все будут становиться очень уж... одинаковыми. Каждый захочет идеальную память, идеальное здоровье и защиту, быструю реакцию, постоянно работающий мощный мозг...

Она покачала головой.

– Даже и не знаю. Что-то хорошо, а остальное просто ужасно.

– Да, – согласился я, – особенно ужасно иметь мощный мозг... Главное, навыки секретного агента будут не нужны. Вся программа обучения впустую... Думаю, если бы знала о неизбежной сингулярности, выбрала бы другую работу. И вообще жила бы по-другому.

Она покачала головой, голос прозвучал с железной уверенностью:

– Нет!.. Если бы мне представилась возможность прожить жизнь снова, я прожила бы ее точно так же.

Я хмыкнул, но промолчал, спорить трудно не только с голой женщиной, но одетая такой же баран, с какой стороны ни зайди, везде рога.

Она посмотрела с подозрением.

– Чего? Я же вижу!.. И морда у тебя не молчаливая. Говори!

– Не смею, – ответил я, – Феликс Эдмундович. Вам виднее, иначе пришлось бы застрелиться... Вообще-то, если

честно, это одна из самых лживых фраз, которую любят напыщенно изрекать... альтернативно одаренные.

Она вскинулась:

– Ты чего?

– Возможно, – предположил я, – это вообще чемпион по лживости и дурости, можно в книгу рекордов Гиннеса. Мне кажется, на свете нет настолько полного идиота, который, зная, какие кризисы и упущенные возможности ждут его и страну впереди, не попытался бы при повторном варианте исправить какие-то ошибки в своей неидеальной жизни, а какие-то не допустить вовсе. Или такие извращенцы есть?

Она нахмурилась, опустила бинокль и посмотрела на меня злыми глазами.

– Считаешь, все, кто говорит это, а таких много, врут?

– Еще как, – подтвердил я. – И даже брешут. Думаю, это инстинктивная попытка защитить свою хиленькую жизненную позицию. Чаще всего абсолютно провальную. Железный Феликс столько крови пролил, что только вера в правоту дела революции спасала его от самоубийства. Вообще, человек очень даже не любит признаваться в ошибках и твердит, что вот его дорога и есть лучшая из лучших, он бы не хотел другого варианта своей жизни, вот честное слово не желал бы стать здоровым и богатым! Не-ет, лучше останется больным и бедным в непролазном говне, потому что так духовнее, он так видит, а все остальные просто не понимают в силу своей ограниченности...

Она надулась и отвернулась, долго рассматривала подходы к дому.

– Ничего не видишь?

– Не показывается, – ответил я.

– Может, у него дневной сон все так же в «комнате страха»?

Глава 5

Я покачал головой, но, спохватившись, отыскал сервер, где хранятся все записи с видеокамер владений Хиггинса, и начал скоростной просмотр за весь день, но когда ничего не обнаружил, отмотал, как говорится, пленку взад, хотя нынешнее поколение уже и не знает, что совсем недавно все фиксировалось не на хард, но все равно говорят «отмотать пленку».

– Пусто, – сказал я. – Что будем делать?

Она с раздраженным видом пожалала плечами.

– Ты у нас стратег, думай. Я простой полевой агент, хоть и умнее большинства мужчин, но вы нас угнетаете.

– Еще как угнетаем, – согласился я, – посадили себе на шею и носим, носим... Еще не проголодалась?

Она покосилась с недоверием.

– Ты чего? Мы всего час здесь!

– Да вы, женщины, – пояснил я, – вечно есть хотите. Только успевай вам подсовывать под мордочки блюдце с молоком. А когда налопаетесь, в магазины проситесь.

Мозг постоянно шарит в инете в поисках новостей, и хотя он у меня нацелен выискивать последние сведения о биоинженерии вообще и генной модификации в частности, но охотно ловит и всякую шелуху: кто из знаменитых с кем спит и кто сколько толкнул, поднял или как пробежал. Что дока-

зывает, увы, мое происхождение от человека.

А человек, понятно, – это голая обезьяна по Десмонду Моррису, когда-то весьма эпатировавшему консервативную публику, как сейчас это делает такой же бесцеремонный и не смягчающий формулировки профессор Савельев.

Это в новостях стоит непрерывный и довольно растерянный вой насчет России, что все усиливается и усиливается. Что значит, доверились простому человеку, решившему, что Россия растоптана раз и навсегда. Дескать, Россия жила за счет ограбления четырнадцати республик, а когда они покинули ее, то Россия неминуемо исчезнет, вымрет от голода и пьянства...

Но статистика говорит, что даже Прибалтика, жившая в составе СССР богаче и достойнее как России, так и всех остальных республик, где сейчас? Несмотря на постоянные щедрейшие вливания со стороны Европейского союза и НАТО, ныне там три бедные и быстро теряющие остатки своей независимости страны. Население уже уменьшилось вдвое, промышленность исчезла полностью, теперь не три страны, а три больших села...

Кто-то в России злорадствует, большинству по фигу, но вообще-то процесс идет в верном направлении. Мелкие страны и народы скоро исчезнут, но Россия или Штаты не виноваты, при глобализации в конце концов во всем мире установится один язык.

И уж конечно, им не будет эстонский или латышский, если

когда-то могучий и многочисленный русский после упорного сопротивления уступит американизированному английскому.

Самое упорное сопротивление создаст китайский. Там и масса населения, и упорство, однако автоматические переводчики, что моментально с голоса на голос, сделают свое дело.

Китайский уйдет в прошлое, вслед за эстонским и русским. Разве что не так быстро. На выходе получится один язык на планету и один народ...

Эсфирь проговорила хмурым тоном:

– Ты чего?

– Чего – чего?

– Мыслишь, – сказала она недовольно.

– Прости, – ответил я виновато. – Ты права, дурная привычка. То ли дело женщины, у вас все на инстинктах.

Она нахмурилась, подозревая оскорбление, мужчины всегда обижают женщин, стараются вернуть свой рушащийся деспотизм, а я подумал, что вообще-то и у нас, людей, тоже все на инстинктах, сколько бы мы ни вещали напыщенно о разуме.

Даже острое стремление в космос тоже всего лишь давление древнейшего из инстинктов, требующего расширения ареала доминирования и заселения своим видом.

То же самое и с бессмертием... Любое существо стремится жить как можно дольше. На уровне вида запрограммиро-

вано, чтобы особи давали потомство, выращивали, а потом умирали. Так животные и делают, но человек с его обострившимся инстинктом уже не просто хочет жить дольше, а совсем умирать не желает.

И когда начнет заменять себя всего на иные носители, а в конце вообще превратится в силовое поле, его будет вести тот же инстинкт, требующий стать сильнее, доминантнее, заселить вселенную и везде нарыть для своего вида норы...

Никакой ИИ вообще невозможен, если не оцифровать и не вложить в него инстинктивное, безотчетное стремление к расширению своего ареала и доминированию над другими видами.

А это вряд ли станут делать, разве что совсем уж свихнувшиеся человеконенавистники.

Она поерзала, спросил с сочувствием:

– В жопу колет?

Она буркнула:

– Не могу сидеть без дела.

– Займись чем-нибудь, – посоветовал я.

Она фыркнула.

– Чем можно заняться в машине?

– Сексом, – предложил я первое, что приходит в мужскую голову.

Ее лицо дернулось в брезгливой гримасе.

– О господи!..

– А что, – спросил я уязвленно, – если мы пока что в этих

телах?.. В автомобилях в самом деле удобно. Даже в рекламных проспектах объясняют и показывают расширенные возможности. Курсы существуют с показом на практике!

Она сказала язвительно:

– Вы и так везде находите эти возможности. Никакой рекламщик не придумает всего, на что способно ваше стихийное мужское творчество именно в этом жанре.

– Вот видишь, – ответил я довольно, – какие мы креативные...

Если США и Китай создадут суперкомпьютеры, трезво и жестко сказал мой мозг, что смогут обучаться, а потом руководить армиями, то мы увидим не войну AI против человечества, а гораздо хуже: войну одного искусственного интеллекта против другого, а в этой войне точно не будет места человеку и человечеству...

Заткнись, прервал я мысленно. Да, хренью занимаюсь и хрень сейчас говорю, но пока мы в человеческих телах, вся наша жизнь полная хрень с редкими проблесками разумности. Эти проблески и ведут нас к сингулярности, в которой проблески уже не будут мелкими и редкими проблесками, а мы целиком станем...

– Ты чего? – спросила Эсфирь. – У тебя морда лица такая, словно разговариваешь с Богом.

– Не поверишь, – ответил я, – но так и есть.

Она нахмурилась и отвернулась. Возле дома Хиггинса полная тишина, он выглядит вообще вымершим. Я погля-

дываю на него еще и сверху с проплывающих над планетой спутников, но и они показывают полное отсутствие движения.

Вдруг Эсфирь буркнула, не поворачивая головы в мою сторону:

– И что тебе Бог сказал?

– Что объединение ускоряется, – ответил я. – Снова, как и до начала строительства Вавилонской башни, будет один язык, один народ, одни законы.

Она сказала сердито:

– Не хочу такого будущего. А как же разнообразие народов, культур? Искусств?

Я двинул плечами.

– Весь мир носит джинсы и не жалуется. А национальные одежды надевают только ряженые клоуны. С искусством то же самое... Любители брэнчать на балалайке или домбре... гм, а они есть? Мне кажется, и сейчас либо за деньги, либо для выпендрежа. Искусство уже общее, лапочка. Все смотрят штатовские сериалы и еще некоторые из фильмов, а свои киностудии погибают. Впрочем, туда им и дорога.

– И кто контролирует это слияние?

– Никто, – заверил я.

– Да ну?

– Я бы знал, – ответил я. – Пока смутное и чисто инстинктивное желание, как было у мелких средневековых княжеств, объединиться в единое королевство. Чтобы везде

одни законы, одни налоги и не с кем было бы воевать. Сейчас все мы, кто понимает, что впереди, а таких немного, стремимся делать общее дело...

– Порознь?

– Да, – ответил я нехотя, – но сейчас начинаем как-то неуклюже координировать усилия.

– И получается плохо?

– Ну да, – ответил я, – мы же не в интересах своей страны, а в интересах человечества, а этот как-то не совсем на первом плане. Ну скажи, кто, если не дурной иисусик, думает про общее благо больше, чем о своем кармане? Это точно не по-еврейски.

– К тому же, – закончила она, – как-то задевает суверенитет?

– Точно, – согласился я. – И хотя понимаем, что уже скоро даже слово это исчезнет, но все же всех нас задевает... И все хотим в общем зале человечества занять первый ряд.

Она сказала с иронией:

– Чтоб у вас со Штатами не было споров, предложите первый ряд Израилю. А сами там, следом. Во втором-третьем... А дальше немцы, французы...

– Что? – спросил я. – Охренела?.. Конечно же, в первом должна быть Россия. Избранная, богоносная!

– Это мы избранный народ, – напомнила она. – Богоизбранный.

– А мы – богоносный!.. В смысле, Бог нас несет по кочкам.

– А что круче?

Я сдвинул плечами:

– Не знаю. Я неопределившийся атеист. Но Штаты хотят занять весь первый ряд целиком для себя! Да и второй тоже. И хотя вообще-то, если говорить начистоту, то так и должно быть, они в самом деле во главе прогресса, но как-то обидно. Инстинкты против.

Она сказала с сарказмом:

– Но если они во главе прогресса...

– Зато мы красивые, – возразил я. – И не такие толстые!..

И вообще, требуем распределения мест согласно занимаемой территории.

– А не количества населения?

– Нет, – отрезал я. – Тогда все окажемся в заднем ряду, а передние займут китайцы, индийцы, негры... Ладно, согласен, передний ряд пусть займут богоносные и богоизбранные. По числу населения или по занимаемой территории... согласен на оба варианта, я добрый и великодушный.

– Мы уже сколько часов здесь сидим?

– Вечность, – ответил я.

– Пойдем поедим? – предложила она. – Я когда волнуюсь, всегда есть хочу.

Я окинул ее фигуру раздевающим взглядом.

– Но ты все еще не слишком уж и толстая.

– Прибью, – пригрозила она. – Это неспортивно – указывать на больное место всех женщин. Пристегнись!

– Я и не отстегивался, – сообщил я. – От тебя.

Она повернула ключ, мой мозг тут же пискнул, что скоро ключи зажигания вообще исчезнут, в новых моделях эта древность уже отсутствует, а Эсфирь плавно тронула автомобиль с места, мы же туристы, осматривающие здесь и там местные достопримечательности.

Глава 6

По дороге к кофейне мозг среди новостей из мира науки ухитрился просунуть сообщение о готовящемся подписании унии между православием и католичеством.

Я поморщился: любая уния – это хорошо, это же мир вместо драки, но, как чаще всего бывает, к такой мере прибегают слишком поздно.

Византия в свое время, изнемогая под натиском турков-османов, в конце концов обратилась к Ватикану за помощью и сообщила, что согласна на унию, причем отдает Константинополь полностью во власть крестоносцев, но увы, предложение запоздало. Хотя с Запада было выслано крестоносное воинство, еще не дожидаясь даже официального оформления унии и всех договоров, но османы успели захватить Константинополь раньше и превратить его в Стамбул.

Папы не раз предлагали унию русскому государству, Брестская уния объединила поляков, украинцев и белорусов, а Ужгородская – закарпатцев и словаков, обе отменены только после Второй мировой войны, и вот последняя уния, на этот раз ее предложила Россия. По-честному, православие всегда находилось в полной заднице, так как в православии любое развитие вероучения запрещено канонами, потому православие, оставаясь таким, каким было тысячу лет назад, вроде бы и должно тянуться к более сильной ветви хри-

стианства, однако к тому времени у католичества дела пошли еще хуже – со скандалами, однополыми браками и коррупцией. К тому же нагрянул массовый наплыв беженцев, что заполонили Европу и спешно начали ее исламизировать, раз уж нет там ни Карла Мартелла, ни даже де Голля.

И как раз православие, кто бы подумал, принялось спасать христианство своей бараньей верой в догмы и незыблемость постулатов. Уния позволит, как сообщают во всех новостных лентах, повысить мощь церкви, почистить ее с учетом того, что именно в России христианство сохранилось в первоизданном виде, ничего не приобретя и ничему не научившись.

Но главное – христианство снова становится единым перед лицом грозного ислама, что не растерял воинственного духа.

Опоздали, мелькнула мысль. Какая на фиг уния, любая церковь уже потеряла моральный авторитет...

Автомобиль остановился, прижавшись к бордюру, Эсфирь отстегнула ремень, но я успел выйти раньше и даже, обогнув машину спереди, открыл левую дверь.

Она ожгла сердитым взглядом, что-то ее качает то к старомодному консерватизму, то к оголтелому феминизму.

Оба, вылезая из автомобиля, как и надлежит зевакам туристам, с удовольствием и даже восторгом посмотрели вокруг. Здесь все дышит древностью, немислимой в Европе, так нас должны понимать те, кто смотрит на приехавших.

Правда, на самом деле Эсфирь, как и я, больше смотрит

как профессиональный комбатант, замечая, кто из мужчин на улице как стоит, как держит руки, откуда могут стрелять, а если погоня, то чтобы нашему авто никто не загоразивал дорогу.

Я хозяйски пошел вперед, хотя мы и туристы, но местных малость раздражает, когда эти чужеземцы распахивают перед женщинами двери и выказывают им чрезмерные знаки внимания.

В кофейне почти пусто, здесь традиционно заполняется к вечеру, когда спадает полуденная жара, а сейчас за дальним столиком только группа таких же, как и мы, туристов.

Я посмотрел на них, бурно жестикулирующих и гримасничающих, как бандерлоги, на моем лице вроде бы отразилось неудовольствие, потому что вышедший из-за стойки хозяин взглянул на меня с симпатией.

– Что изволит дорогой гость? – спросил он на ломаном английском.

– Перекусить с дороги, – ответил я на чистейшем арабском, – и две большие чашки крепкого кофе.

Он с достоинством поклонился.

– Желание гостя закон.

Эсфирь выждала, когда я сяду, покорно опустилась на сиденье стула рядом.

Кофейня чистая, из мебели ничего сверх, здесь умеют устраиваться скромно и с достоинством, не стараясь пустить пыль в глаза, как это свойственно европейцам или американ-

цам, что тоже европейцы.

Хотя, если честно, желание пустить пыль в глаза и как-то выпендриться – инстинктивное желание молодых растущих организмов. Пусть выглядит и смешно, однако это один из залогов бурного роста, как своего личного, так и всего общества, в отличие от застывшего в безмятежном спокойствии буддизма.

Эсфирь сидела смирно, а когда хозяин принес и поставил перед нами фирменные блюда, дождалась, когда я начал есть, а затем по моему жесту взяла нож и вилку.

– Вкусно, – похвалил я.

Она буркнула тихонько:

– Ах-ах, у тебя манеры как у француза!

– У тебя тоже, – ответил я. – Вообще ты меня удивила.

Если в конторе узнали, что Хиггинс получил нужное, почему везде не гремят выстрелы?.. Я думал, Моссад сразу начинает стрелять!

– Ты не спутал иудеев с ирландцами? – спросила она. – Нужное им поступило по частям. Кто-то располагает только инструкциями, как собрать эту штуку, у кого-то необходимая документация, кто-то по частям переправляет эти штуки. Если убьем одного, этот кто-то другой может скрывается. А техдокументацию можно снова как-то да получить.

– А-а, – протянул я, – вот почему по всему Дубаю еще не гремят выстрелы...

– Глупости, – буркнула она. – Мы все стараемся делать

предельно тихо. И вообще бесшумно.

– Все? – переспросил я. – И ты?

Она бросила на меня злой взгляд.

– Ты сам так сладострастно сопел и хрюкал, что заглушил бы все что угодно.

– Я демократ, – ответил я с достоинством, – потому не сдерживаю свои порочные наклонности. У нас свобода выражения чувств, собраний и митингов протеста? Ну вот!

– Так это был протест?

– Демократическое изъятие чувств, – отрезал я. – Все равно в мире будущего ничто не будет скрыто, потому должны тренироваться в предельной искренности уже сейчас.

Она покровительственно улыбнулась.

– В какую же замысловатую форму ты облакаешь свои комплименты... даже не поймешь сразу, похвалил или обидел. В общем, сейчас все силы брошены на то, чтобы отыскать и обезвредить. Ты это знаешь. И знаешь, что пока дела идут не очень.

– А многих в процессе дознания убила? – поинтересовался я деловито. – А зарезала?... Путь научного поиска тернист. Все знания человечества добыты потом и кровью, почему этот случай должен быть исключением?

Она сказала кисло:

– Да, конечно. Мы за всеми следим, но пока что в сети попадается всякая мелочь.

– Мелочь тоже может перевозить крупное, – предположил

я. – Тем более части современных ядерных бомб можно уместить в одном чемоданчике.

Она кивнула.

– Да, «чемоданные» бомбы, как говорят в России, или «ранцевые», как принято в Штатах. Но эти все три более мощные и потому чуть крупнее. Хотя да, в разобранном виде их можно перевезти и в чемоданах.

– Или с чем угодно, – сказал я.

– Верно. Через границу нередко гонят скот, и пограничники, даже когда видят, не препятствуют. Что с кочевников взять, а угрозы для страны не представляют. Вообще не понимают, зачем существуют границы, и готовы применять оружие для защиты. Потому их обычно не трогают.

– Прогрессивно мыслят, – согласился я. – Примитивно прогрессивно, ага. Хотя, конечно, дикари...

Она умело орудовала ножом и вилкой, на мою реплику только поморщилась.

– Дикари? Потому что по старинке атомной бомбой, а не вирусами?

– Точно.

Она двинула плечиками.

– Знаю, вирусы модифицировать легче и дешевле, а еще они опаснее ядерной бомбы. Но ядерными бомбами террористы занимались десятки лет, не бросать же добро на полдороге?.. Тем более когда почти все готово?..

– Насколько готово? – спросил я. – Именно у террори-

стов? Свое, не краденое?

Ее лицо омрачилось, даже руки с ножом и вилкой чуть замедлили движение.

– Боюсь, почти готово, – ответила она. – Не говоря о том, что ядерное оружие уже в ста двадцати странах, но есть еще несколько, которые практически готовы создать их, но им не дали...

Я кивнул.

– Да-да, в Ираке ядерный реактор разбомбили, в Ливии, Ливане, йеменских ядерщиков Израиль отстреливал настолько успешно, что там все затормозилось... Или вовсе заглохло...

– Но их наработки попали в более опасные руки, – сказала она. – Атомную бомбу сделали... или вот-вот были готовы сделать еще в ЮАР, но когда там отменили апартеид, вся местная наука разбежалась. Но все части к атомной бомбе изготовить успели. Где они теперь?

Я кивнул.

– Да, там к власти пришли негры, и сразу цивилизация в ЮАР вернулась на сорок веков назад, что так хорошо и приятно Штатам, Израилю и всему остальному злорадствующему миру демократии и политкорректности, о чем говорить не принято, но так и есть.

Она пожала плечиками.

– Сам говорил, сейчас как раз самое время двойных стандартов.

– Точно, – подтвердил я. – Переходим от одних стандартов, которые все еще разделяют повстанцы, к имперским стандартам. Потому и конфликт сознаний...

– Большинство населения, – спросила она, – не понимает, что мир превращается в империю?

– Да, – подтвердил я. – Только это всеземная империя, что вроде бы уже не империя, хотя империя. На планете вообще не останется независимых государств.

– Совсем?

Я посмотрел на нее с сочувствием.

– Сразу о своем Израиле?..

– А ты как думал?

– Увы, – сказал я с сочувствием, – хотя независимость Израиля продержится дольше всех и падет последней...

– Что-что?

– ...но участь твоей страны менетекелфарестнута, – договорил я.

– Не матерись, – сказала она сердито. – Хотя бы за кофе.

– А Библию не читала, – уличил я.

– Библию читала, – возразила она. – Только Новый Завет не Библия.

– Это в Старом, – сказал я. – Ну да ладно, у тебя хорошая женская память. Пойми, империя не может позволить существовать на планете хотя бы клочку земли, где могут делать в подвале опасный вирус. Тем более не может позволить независимость государству, у которого ядерные бомбы.

– Официально их нет.

Я отмахнулся.

– Девяносто пять процентов всей политики делается неофициально. И не только в Израиле. То, чем мы здесь занимаемся, тоже политика, но кто в мире о ней знает?.. Ты ешь, ешь. У тебя есть места, где можно поправиться без вреда для фигуры.

Она покачала головой:

– Нет уж, с лишним весом я не доживу до прихода обещанного тобой бессмертия.

– Да? – спросил я с интересом. – А вот мне повезло. Если с открытием бессмертия дело затянется, то получу его не в семьдесят-восемьдесят, а в сто – сто десять лет, что вообще здорово!..

Она посмотрела в недоумении.

– И где везение?

Я пояснил довольно:

– Таким образом стану одним из самых старых людей планеты! Всего человечества!..

– Тебе нужен рекорд?

Я отмахнулся.

– В анус рекорды!

– А что тогда?

– У меня будет бесценный опыт, – пояснил я, – как это – быть молодым, средним и совсем старым, в то время как младшее поколение такого богатства не обретет!

Она ела дальше молча, но я видел в ее глазах невысказанную реплику типа того, что еще доживи до ста лет, это не так просто...

Ее сомнения вполне понятны, но, зная, какими темпами развивается медицина, особенно направление, в котором работаю, твердо верю, что если не бессмертие, то продолжительность жизни к моему восьмидесятилетию возрастет в два-три раза, а с ней точно доживу до бессмертия.

Я расплатился за обед и кофе, Эсфирь так же молча направилась к автомобилю и села за руль. Я опустился на правое сиденье, на улице тихо, предложил деловито:

– Гони! Но давай срежем вон через тот двор.

Она послушно повернула руль, но когда автомобиль ускоренно несся через тесный дворик, спохватилась:

– А он проходной?

– Почти.

– Это как?

– Сарайчик, – ответил я. – На дороге. Деревянный, просто жми на газ.

Она сдвинула брови, через мгновение автомобиль на большой скорости ударился в дощатую стену.

Треск, машину чуть тряхнуло, во все стороны брызнули мелкие обломки досок. Автомобиль освобожденно выметнулся на широкую улицу, Эсфирь спохватилась:

– А ты откуда знал, что в сарайчике никого?

– Откуда бы я знал, – ответил я успокаивающе. – Так,

предположил... Рулетка.

– Скотина, – сказала она с чувством.

– А что, – сказал я, – их восемь миллиардов...

– Скотинища!

– Да ладно, – бросил я, – время намаза, не заметила?... А люди в этих домах религиозные, видно же! Потому на улице пусто, время обязательной молитвы.

Она чуть перевела дух, но поглядывала рассерженно.

– Скотина, и шуточки у тебя скотские.

– Я отношусь с уважением к местным обычаям, – напомнил я. – А ты?

– А они того заслуживают?

Я сдвинул плечами.

– Обычай никакие не заслуживают, потому что из старины. А я, как человек будущего...

Она прервала:

– За дорогой смотри!

– Да смотрю, – пробормотал я. – Еще как...

Конечно, смотрю, она не подозревает, что смотрю одновременно и со спутника, потому заранее увижу, если где возникнет «пробка», и успею просмотреть все варианты объезда, но здесь, к счастью, таких проблем нет.

Да и вообще спутники обзревают всю поверхность планеты, а видеокамеры на дорогах позволяют следить за трафиком и нарушителями, а установленное в офисах, в аэропортах и на вокзалах оборудование дает возможность видеть,

кто прибывает и отбывает, так что чувствую себя всемогущим...

Одна только тревожная мысль: а как это свойство впишется в общество, если отработать эту операцию на генах и таких людей станет много? Или такими будут все?

Понятно же, большинство используют сразу в личных целях, корыстных. Вон даже я, представитель чистой и благородной науки, сразу же и участок в элитном поселке приобрел, и огромный роскошный дом в нем построил, осталось только павлинов в саду завести.

Оправдываюсь, что деньги увел с тайного счета наркокартеля, но все-таки не заработал, а преступно украл у настоящего преступника. Ладно, это мелочь, никому никакого какого вреда, но другие с моими возможностями могут повести себя безбашенно и без тормозов.

И поведут, сказал я себе мрачно. Потому, пока не будут заранее придуманы средства их обуздывать, нужно просто наращивать свои возможности.

Потому что я Контролер.

Глава 7

Пока она неспешно вела автомобиль вдоль ряда небольших магазинчиков с сувенирами, что выдвинули прилавки прямо к проезжей части, я водил пальцем по тачскрину айпада, а когда решил, что сумел показать титанические усилия, сказал с чувством:

– Хиггинс в доме. Вот что значит хорошо пообедать!

– Он уходил на обед?

– Мы уходили, – напомнил я.

Она спросила озадаченно:

– А какое это имеет отношение...

Я сказал с горестным вздохом:

– Чувствуется, что ты женщина... я имею в виду, без классического научного образования... Разве не прослеживаешь связь, что, пока мы там торчали терпеливо, Хиггинс не появлялся, а стоило отлучиться на обед, как он будто шайтанчик из коробки?

Она пробормотала:

– Но это же случайность!

– В науке не бывает случайностей, – сказал я наставительно, – даже в жизни все закономерно и взаимосвязано. Ты, наверное, даже не слыхала про закон бутерброда?

– Немец какой-то? – спросила она. – Нет, не слыхала.

– Или еврей, – предположил я. – У евреев у всех фамилии

немецкие.

– А если французские?

– Все равно немецкие, – отрубил я авторитетно. – Ты не знаешь этимологию слова «немец», так что молчи и похрюкивай в две дырочки.

Она вывела на широкую дорогу и некоторое время гнала на приличной скорости, пока особняк Хиггинса не приблизился. Перед воротами не остановиться, места нет, стоянка запрещена, но есть благоустроенное место в полусотне шагов.

Эсфирь направилась туда, я выждал, когда остановились, кивнул в сторону бардачка.

– Не пропей и не прогуляй.

Она буркнула:

– Ты тоже там... не входи в загул. Дом красивый! Людей не жалко, но здание не взрывай.

– И землю трясти не буду, – пообещал я. – Езжай домой. Жди звонка.

Она молча смотрела, как я выбрался из машины и захлопнул дверцу, а я ощутил, как мозг сразу начал анализировать ощупывающие нас лучи радара.

По ним моментально заглянул в дом, как же хорошо, когда все напичкано автоматикой и сверхсовременными приборами, а каждый уголок под видеонаблюдением! Чувствуешь себя хоть и не всемогущим, но по крайней мере всевидящим.

На воротах тоже видеокамера, из будочки вышел молодой парень с автоматом наперевес, взгляд оценивающий и очень серьезный, что и понятно, на Востоке начинают взрослеть с детства, как только берут в руки оружие, а берут с того момента, как могут поднять с пола.

Я приветливо помахал рукой.

– К мистеру Хиггинсу.

Он ответил таким резким и командным голосом, что либо он старше, чем выглядит, либо уже успел поруководить в боевых операциях:

– Стоп!.. Ни шагу дальше.

– Замер, – заверил я дружелюбно.

– Вам назначено?

– Нет, – ответил я искренне и с улыбкой уверенного в себе человека. – Но мистер Хиггинс меня примет. С удовольствием.

– Стойте, – велел он, – где стоите. Я проверю.

– Да, – ответил я, – конечно. Так бы я потащился на край света, если бы не.

Не слушая, он коснулся кончиками пальцев воротника, глаза по-прежнему не выпускают меня из виду.

– Сэр Кальтерберг!.. Тут какой-то человек, которого нет в списке, жаждет встретиться с мистером Хиггинсом.

Я прислушивался к голосу его начальника, тот проворчал недовольно:

– И чего он хочет?

– У меня дело с мистером Хиггинсом, – ответил я кратко. – Затрагивающее общие интересы. Думаю, мистер Хиггинс сам решит.

Он посмотрел с сомнением.

– Если он вам не назначал...

– Великие возможности чаще всего приходят неожиданно, – сообщил я. – Нужно только успеть увидеть их. И схватить вовремя. Потому что конкуренты не спят.

Он сказал недружелюбно:

– Минутку. Я сообщу мистеру Хиггинсу. Но если он вам не назначал... Мистер Хиггинс?.. Марьям, сообщите мистеру Хиггинсу, что явился тут один, настоятельно добивается встречи с ним.

Некоторое время слушал, я тоже, наблюдая, как секретарша Хиггинса связывается с управляющим, а тот, расспросив ее что да как, наконец соединил меня с самим Хиггинсом.

– Алло? – прозвучал сильный голос с европейским акцентом, хотя сам Хиггинс из старинной семьи южноафриканской элиты, некогда владевшей добычей полезных ископаемых, еще до отмены апартеида. – Слушаю.

– Мистер Хиггинс, – сказал я доверительно, – Очень важное предложение...

– Не нуждаюсь, – отрезал он, я увидел, что он уже отнимает трубку от уха и готов прервать связь, крикнул:

– Речь идет о вашей последней сделке!

Он задержал мобильник в воздухе, снова поднес к уху.

– Что за последняя сделка?

– Это не телефонный разговор, – напомнил я, – но если окажусь жуликом или коммивояжером, как вы предположили, можете вышвырнуть в окно с вашего пятого этажа, где вы сейчас находитесь, стоя у левого окна!

Он задержался с ответом, затем прозвучало то, чего я добивался:

– У вас будет десять секунд!

– Можно даже девять, – ответил я скромно.

Охранник, стоя в сторонке с нацеленным мне в бок стволом автомата, кивнул, слушая голос своего начальника, опустил оружие.

– Мистер... можете войти.

– На авто?

– Нет-нет, пешком, таковы правила.

– Ясно, – ответил я бодро, от ворот до парадного входа в дом не больше полусотни шагов, – я не гордый.

На крыльце еще двое молодых, проверили насчет оружия, а в холле навстречу вышла молодая строгая девушка с движениями профессиональной секретарши и полными чувственными губами.

– Мистер, – сказала она бесцветным голосом, – идите за мной.

– С удовольствием, Марьям, – ответил я галантно. – Куда угодно.

Идти за нею в самом деле удовольствие, тонкая талия пе-

реходит в красиво вздернутый зад, помещенный на такие длинные ноги, что не пришлось бы подгибать колени, пальцы даже ощутили некий зуд от желания ухватить эти ритмичнодвигающиеся половинки.

Так поднялся за нею по лестнице на второй этаж, рассматривая ее задницу, а Хиггинс за это время переместился на лифте с пятого на второй, в кабинет возле лифта, все понятно, я же сказал ему, что он сейчас на пятом, потому старается поколебать мою уверенность в знании его привычек.

У кабинета рослый красавец в европейском костюме, и судя по лицу и цвету кожи, нордический ариец, встретил нас настороженным взглядом.

Секретарша сказала ему издали:

– К мистеру Хиггинсу.

Он кивнул, лицо ничего не выразило, хотя мог бы удивиться, почему это с такой спешностью ему пришлось переместиться вслед за хозяином на три этажа вниз.

Я чувствовал его цепкий взгляд, так оценивают готовность к сопротивлению, потому постарался опустить плечи еще ниже, шагнул в распахнутые для меня двери.

Секретарша осталась в коридоре, а поджарый ариец, напротив, вошел следом и остался у двери, загоразживая ее почти такой же в ширину спиной.

Хиггинс, очень немолодой, но по-европейски подтянутый и полный энергии, повернулся в мою сторону от окна. Похоже, сесть так и не успел, сейчас метнул в меня взгляд, пол-

ный раздражения.

– Говорите!

Я, не поворачиваясь, указал большим пальцем через плечо.

– При нем?

– Да, – отрубил Хиггинс. – Пять секунд!

– Ядерные заряды, – сказал я негромко.

Он напрягся, через мгновение кивнул арийцу. Тот посмотрел в негодование, но послушно вышел из кабинета, хотя, как вижу по камерам в коридоре, остановился сразу за дверью.

Хиггинс сразу же потребовал:

– О чем речь?

– Вы знаете о чем, – ответил я примирительно. – А я полагаю достаточными полномочиями, чтобы предложить вам сумму в полтора раза выше. Надеюсь, я уложился в девять секунд?

Он подумал пару мгновений, не меняя выражения лица, крепкий орешек, взгляд его стал острым и цепким. Мне показалось, что начнет отнекиваться, говорить, что впервые слышит о каких-то зарядах, начнется долгий тяготящий разговор, однако он, похоже, умеет достаточно быстро просчитывать варианты и видеть, чем разговор закончится, поэтому спросил в стремительном и резком темпе:

– Кто покупатель?

Я улыбнулся.

– Мистер Хиггинс, вы же бизнесмен. Какая разница?..

Лучший покупатель тот, кто дает больше.

Он продолжал сверлить меня взглядом.

– Знаете, мистер...

– Мистер Икс, – ответил я и добавил с улыбкой: – всегда был поклонником этого персонажа. Правда, не по комиксам, а по сцене оперных театров. Семейные традиции, знаете ли...

– Мистер Икс, – сказал он, – как вы понимаете, меня тревожит утечка информации.

– Утечки не было, – заверил я.

– Тогда что?

– У вас хорошо с безопасностью, – сказал я одобрительным тоном. – Просто наша организация достаточно могущественна, чтобы иметь людей на той и этой сторонах, а также в правительстве.

Он постарался изобразить полнейшее недоверие.

– Даже в правительстве?

– Если уж быть совсем точным, – сказал я с предельной скромностью, – то... в правительствах. Сейчас где-то наверху решили, что этим трем зарядам можно найти применение лучше, чем задумал полуграмотный дикий шейх Хашим.

Лицо его оставалось напряженным, наконец он проговорил уклончиво:

– Трем?

– Всего их три, – сообщил я. – Вам потребовалось два,

третий ушел другому покупателю.

Он подумал, напомнил осторожно:

– Уточните цель вашего визита.

– Вы бизнесмен, – сказал я поощрительно, – не сумасшедший боевик, что сражается за свои дикие идеи. Потому просто обязаны рассмотреть предложение, в котором вам предлагают в полтора раза больше, чем пообещал шейх Хашим.

В его взгляде снова метнулось беспокойство, а ответил он, как я и ожидал, достаточно твердо:

– Не знаю никакого шейха Хашима.

– Конечно-конечно, – согласился я. – Это тупой ограниченный фанатик, для которого самым худшим человеком на свете является сосед, как это всегда у недалеких людей. Мы же люди просвещенные...

Я сделал паузу, он договорил:

– Следовательно, взгляды у вас шире?

– И возможности, – сказал я кротко. – И финансы. И вообще влияние, как и солидные связи, даже в правительствах... ряда стран. А вы, как человек высокой культуры, просто обязаны рассмотреть вариант сотрудничества и с нами.

Он чуть перевел дыхание, ответил уже свободнее и раскованнее:

– Вы верно сказали, я бизнесмен. Потому могу вести дела даже с дьяволом, если это принесет мне прибыль, уж простите за откровенность!

– Это верно, – сказал я. – У нас с вами примерно одинако-

вые взгляды, никакого социализма. Просто мы, как бы сказать помягче, просвещеннее, а потому дьяволее этих диких шейхов. И размах у нас побольше.

– Значит, из этих зарядов, – сказал он, – намереваетесь извлечь прибыли больше?

– Мои хозяева так полагают, – ответил я уклончиво. – Я лишь доверенный в переговорах. Но сами посудите, культурный и образованный человек всегда может нанести вреда конкуренту больше, чем простой пастух, даже если он шейх.

Он усмехнулся.

– Вы слово «противник» изящно заменили словом «конкурент», мне это нравится. Конкурентная борьба – основа процветания.

– И прогресса, – добавил я учтиво. – Когда побеждает сильнейший, это улучшает все человечество.

– Золотые слова, – сказал он с чувством.

– Потому что истинны, – ответил я. – Их произнесла сама природа. В порядке личного расположения поделюсь с вами конфиденциальной информацией... Хотите? Вижу, вижу. В общем, взрыв ядерного заряда в Израиле даст шейху всего лишь моральное удовлетворение, что для людей такого типа очень важно. Но если заряд сработает в другом месте, очень далеко... попробуйте догадаться, что произойдет!

Он подумал, наблюдая за моим торжествующим лицом, наконец спросил осторожно:

– Понижение акций?

Я сказал с чувством:

– Не думал, что догадаетесь! Значит, вы в самом деле очень хороший бизнесмен, мистер Хиггинс. Взрыв вызовет не понижение, а обвал!.. Сокрушительный. Кто-то потеряет десятки миллиардов долларов, кто-то всего лишь миллионы, но в целом рынок ценных бумаг просядет на два триллиона! Вы представляете, сколько заработают те, кто знает, что и когда случится?

Он охнул и смотрел на меня остановившимися глазами, как неопит на пророка.

– Это же... да, это масштабы! Но все-таки позвольте мне проявить осторожность...

– Понимаю, – ответил я. – Если в полтора раза... гм... это что-то около девяноста миллионов долларов... Ладно, да что там мелочиться, пусть будет для ровного счета сто!.. Сейчас, одну минутку...

Глава 8

Он молча ждал, а я вытащил из кармана смартфон и поводил пальцем по экрану. Я не работаю ни в КГБ, ни в ГРУ, там сами предпочитают, чтобы мой отдел был как бы отдельным учреждением: так и прятать концы в воду удобнее, и проверяющих меньше.

А это значит, что мне даже особенно хитрить не нужно насчет моих дел и занятий помимо работы по предотвращению глобальных катастроф. Я и до этого с интересом просматривал тайные счета наркобаронов, весь трафик по переводу и отмыванию денег как на ладони, но особо вмешиваться не хочу, торговля наркотиками так плотно вписана в экономику целых государств, что рискованно тронуть даже один элемент, вдруг да завалится вся пирамида и воцарится хаос, все всегда ведет к деградации и упадку.

Опыт введения сухого закона, хоть в России, хоть в США, показал, что силовыми методами проблемы такого типа не решить, нужно что-то более мощное, а что может быть мощнее идеи? Мухаммад это доказал, когда запретил принимающим ислам употреблять спиртное.

А раз я на подобные свершения не способен, признаю, то нечего и пытаться бороться с таким явлением, как наркомания или алкоголизм. Может быть, Мухаммад с этим бы справился и в мировых масштабах, но я проблему наркомании

обхожу стороной, такое мне пока не по плечу.

Потому и сейчас вошел на один из таких третьестепенных счетов наркокартеля, на нем всего триста сорок два миллиона долларов, снял сто и перебросил напрямую на счет Митчела Хиггинса, не проводя через липовые и сотни офшоров.

– Мистер Хиггинс, – сказала я небрежно, – деньги уже на вашем счету.

Он посмотрел на меня с интересом и недоверием.

– Так быстро?.. Хорошо, сейчас проверим.

Он отошел в сторону, я сделал вид, что рассматриваю картины на стенах, хотя мозг сам, какой любопытный, проследил звонок к его бухгалтеру, а тот быстро-быстро посмотрел и сколько прибыло, и откуда, сообщил торопливо Хиггинсу, что перевод осуществлен из Южной Америки, крупный и солидный банк, все чисто, все правильно, деньги можно получить, перевести на другой счет, если изволите.

– Гм, – произнес он задумчиво, – деньги в самом деле прибыли. Причем с такой скоростью, что это даже пугает... Присядьте, мистер Икс. Вот это кресло просто изумительное, его делал сам мастер Джеймс Улер, лауреат мировых конкурсов дизайнеров.

Я неспешно сел, выказывая каждым жестом, что я величав и снисходителен.

– Мистер Хиггинс, это лишь говорит о мощи организации, которую я представляю. И о том, что деньги для нас значения практически не имеют.

Он сел напротив, кивнул, не сводя с меня пристального взгляда.

– Да-да, я знаю, что хотя Форбс ежегодно обновляет список первой сотни миллиардеров, но в нем никогда не появляются имена Рокфеллера или Ротшильда. Хотя у первого пять триллионов долларов, а у второго четыре с половиной...

Я покачал головой.

– Не думаю, что именно они за спиной нашей организации, хотя дела великих в самом деле неисповедимы. Но сейчас для нас важнее то, что деньги уже на вашем счету.

Он сказал с колебанием:

– Не знаю, не знаю... Я все-таки пообещал... Как-то нечестно, хотя это вроде бы смешно говорить о честности в мире бизнеса, но у нас такой особый бизнес...

Я кивнул.

– Вы правы. Честность сохранилась только в теневом секторе.

– Вы все понимаете, – сказал он с облегчением в голосе. – В нашем деле стараемся не составлять договоры, а все на честном слове. Как в старое доброе время королей и рыцарей.

– Но, – сказал я, – учитывая реалии, они поймут вашу позицию и ваш жест доброй воли, если предложите им компенсацию за потраченное время переговоров... скажем, в размере тридцати миллионов долларов.

Он охнул.

– Тридцати? Достаточно и миллиона!

– Не жадничайте, – сказал я благодушно, – дайте хотя бы пять... Что деньги? Теперь это даже не пачки бумаги, а вообще двоичный код в электрических цепях. Романтика пиастров ушла.

Судя по его взгляду, он понял, насколько деньги для меня не имеют значения, но не потому, что я такой бесребреник, а просто их настолько много, что даже неинтересно.

Я поклонился.

– Мистер Хиггинс...

Он сказал торопливо:

– Мой помощник отведет вас... в место, где груз из... Восточной Европы. Я предпочитаю поскорее от него избавиться. Если желаете, я дам транспорт и пару помощников, чтобы все произошло поскорее.

Я сказал с облегчением:

– Спасибо, мистер Хиггинс. Это будет очень великодушно с вашей стороны.

Он бледно улыбнулся.

– Да-да, просто я на самом деле стараюсь дистанцироваться от таких опасных сделок. И чувствую облегчение, когда у меня на складе только легальный груз.

– Тогда приступим? – спросил я.

– Я сейчас же распоряжусь о погрузке, – ответил он любезно. – Что пьете? Виски, коньяк, вино?..

– Чистую воду, – сообщил я.

Он кивнул, не удивившись. Виски, коньяк и прочее – это для простых, у сильных мира сего радости выше и богаче, чем еда, напитки и женщины.

– Сейчас принесут, – сообщил он. – Располагайтесь пока здесь... я задействую самых надежных, чтобы все без сучка без задоринки.

– И в темпе, – добавил я.

– И как можно быстрее, – согласился он.

Я проводил его взглядом, он покинул кабинет радостный и потирающий руки. Все идет хорошо и просто здорово, даже первый звонок от него пошел управляющему насчет закупки гравия, затем разговоры с женой и двумя любовницами, но наконец-то последовал звонок, показавшийся мне очень интересным и в какой-то мере ожидаемым:

– Дорогой Хашим, – сказал он отрывисто, – наконец-то ты отозвался! Что у тебя с телефоном?

– Пустяки, – ответил лениво грубый мужской голос. – Заряды прибыли?

– Да, – ответил Хиггинс, – но тут такое дело... Ко мне явились очень могущественные люди, понимаешь? Они знают все об этих зарядах. Предложили сумму большую, чем даешь ты... Погоди-погоди!.. Я отказывался, но они пояснили, что им не отказывают. Понял?..

Голос прорычал угрожающе:

– Продолжай.

Голос Хиггинса прозвучал почти умоляюще:

– Мне пришлось им продать, но, дорогой друг, моя гордость ущемлена, а честь втоптана в землю. Я буду счастлив, если ты отберешь эти заряды по дороге.

На другом конце хмыкнули, тот же голос сказал резко:

– Куда повезут?

– В порт, – ответил Хиггинс торопливо. – Сам знаешь, отсюда только одна дорога – по дороге финикийцев. Есть очень удобное место для засады.

Грубый мужской голос ответил резко:

– Знаю то место. Но мне туда добираться почти полдня!..

– Я постараюсь задержать до утра, – пообещал Хиггинс.

– Тогда мы с тобой квиты, – сказал Хашим. – Но платим не сорок пять миллионов, а половину.

– Но заряды будут у вас все! – воскликнул Хиггинс шепотом.

– Нам придется добывать их в бою, – напомнил Хашим.

– Какой там бой? Я отправлю с ним своих людей, те сразу сдадутся без боя!

– А он сам?

– Не из тех людей, – заверил Хиггинс, – что сражаются.

Сам увидишь.

– Все равно, – сказал Хашим настойчиво. – Ты же получил с него деньги сполна? Будь счастлив, что с меня возьмешь еще двадцать миллионов!.. И так у тебя получится больше, чем ты запросил!

Хиггинс ответил скромно:

– Я же бизнесмен. Обязан думать о прибыли. Желательно о повышении рентабельности.

Шейх оборвал:

– Хорошо, мы сошлись. Мне заряды обходятся вдвое дешевле, а ты получил с этих покупателей и с меня, так что у тебя в полтора раза больше, чем рассчитывал. Это взаимовыгодный бизнес, не так ли?

– Согласен-согласен, – сказал Хиггинс. – Приятно иметь с тобой дело.

Я все это время с интересом рассматривал картины на стенах. Все кисти европейских художников, везде только пейзажи. В исламе, как и в иудаизме, действует запрет на изображение живых существ, потому, к примеру, русский художник Левитан, будучи ортодоксальным евреем, рисовал только пейзажи, избегая на них помещать живые существа.

Так же рисовал и Шишкин, но, по слухам, в ночь на открытие художественной выставки в зал пробрался некто неизвестный и на его картине «Утро в сосновом бору» пририсовал медведицу с тремя медвежатами. Правда это или нет, но тогда евреи в самом деле соблюдали Закон, а сейчас вот Эсфирь от ветчины за уши не оттащишь, хотя она в порядке компромисса называет ветчину рыбой...

Хлопнула дверь, Хиггинс вошел довольный, глаза блестят, с энтузиазмом потер ладони.

– Все в порядке, – сообщил он, – все идет хорошо...

– Рад, – ответил я, – а то мне показалось, с отгрузкой ка-

кие-то сложности. Как всегда, непредвиденные.

Он изумился.

– Откуда? Заряды в небольшом чемодане! Лежат мирно, как страусиновые яйца.

Я кивнул.

– Такие везти никаких проблем?

– Никаких, – заверил он. – Отправлю сопровождать своих лучших людей. Они прошли все войны в нашем регионе!.. Просто солнце уже опускается, поездку стоит отложить до утра.

Я спросил обеспокоенно:

– Ночами орудуют банды?

– Нет, – ответил он уклончиво, – но когда такой груз, лучше принять все меры предосторожности. Меня прямо трясет, а на душе спокойнее, когда поедете под ярким солнцем. Не знаю почему, но на меня луна действует как-то беспокойно... Наверное, в моем роду были вервольфы?

Я ответил беспечно:

– Никаких проблем. Здесь ночи короткие. Посплю малость, а на рассвете и выступим.

Он сказал с облегчением:

– Прекрасно. Вам кажется, зря волнуюсь, но теперь вы в сфере моей ответственности, а это напрягает!.. Я бизнесмен, а не боевик, мне хорошо, когда все тихо и мирно.

Его палец коснулся кнопки на столе, в комнату вошла молодая женщина модельной внешности, разве что фигура по-

лучше, взглянула на меня, на Хиггинса.

– Зульфия, – сказал он, – проводи мистера в гостевую комнату на втором этаже. Да, на втором.

Она ответила ровным голосом вышколенной секретарши:

– Да, мистер Хиггинс...

Я пошел за нею, гостевая оказалась роскошно меблированными апартаментами, где европейский дизайн сочетается с восточной изысканностью и роскошью, в прихожей можно играть в волейбол, кабинет в старинном стиле, а спальня выше всяких похвал.

– Если что-то желаете изменить, – проговорила она теплым постельным голосом, – только скажите...

Я покачал головой, продолжая рассматривать ее выразительную грудь.

– Ради одной ночи? Вы шутите. Все прекрасно, я доволен... Вы спите здесь?

Она замедлила с ответом, взгляд стал оценивающим.

– Поинтересуюсь у мистера Хиггинса...

– Прекрасно, – сказал я с чувством. – Мне нравится мистер Хиггинс. Редко встретишь такого обаятельного и гостеприимного хозяина.

Она чуть наклонила голову.

– Постараюсь, чтобы вы не изменили своего мнения.

Она ушла, а я подумал, девочка уже догадывается, что Хиггинс, узнав, что я спросил и как спросил, пошлет ее ко мне. Мужчины не любят сидеть на диете.

Пока ее нет, сделал пару звонков по мобильной сети, пробежался по всемирной паутине, где, кроме научных статей по моей теме, ничего особенно интересного, заглянул сперва в Центр биотехнологий, посмотрел, как и чем занят Герашенко и остальные работники, а через две секунды уже вошел на другом конце Москвы в сеть видеонаблюдения нашего отдела по предотвращению глобальных катастроф.

Хотя Гаврош прав, стоит называть уже не отделом, пусть пока еще и отдел по размерам и численности сотрудников, а Центром. Центр по предотвращению глобальных катастроф. И звучит солиднее, и нас заставит работать лучше, а относиться к такой важной работе ответственнее.

В отделе еще кипит работа, а в общую комнату, где основная команда, зашел Мануйленко, опрятно одетый, мягкий и предупредительный как в словах, так и жестах. Я заметил, что и у нас намечается некое разделение на физиков и лириков, и хотя вроде бы все физики, но Ивар и прочие работают над сегодняшними проблемами, как бы прикладники, а Мануйленко занят предотвращением, хотя это звучит слишком высокопарно, скорее изучением проблем завтрашнего дня.

Или даже сегодняшнего, но которые от нас не зависят, как, скажем, падение сверхкрупного астероида или превращение одной из близких звезд в сверхновую, когда на Землю обрушится поток жесткого излучения.

Я быстро заглянул в его последние исследования: ну да, мониторинг опыты по созданию микроскопических черных

дыр, на ускорителях это возможно, внимательно отслеживает эксперименты с элементарными частицами, есть вероятность коллапса земного вещества, как и взрыва невообразимой мощности, что не только во мгновение ока покончит с родом человеческим, но и вообще превратит Землю в рой неупорядоченных элементарных частиц.

Для нас, конечно, это чисто умозрительный интерес, как и расследуемый им переход вакуума в новое метастабильное состояние, которое так взволновало его вчера, дескать, вся вселенная может мгновенно исчезнуть... во всяком случае та, которую знаем, но я то ли фаталист, то ли слишком бездумно верю, что Бог нас любит и оберегает от космических катастроф, а погибнуть можем только по своей дурости и наглости.

Мануйленко, похоже, относится к остальным сотрудникам отдела с вежливым презрением, как ученый – к рабочим по укладке асфальта. Наука по определению не может заниматься сегодняшним днем, а то, чем занят основной отдел, конечно же, не наука.

С другой стороны, если распад фальшивого вакуума или переход остаточной темной энергии в материю нас не должен волновать, просто исчезнем в долю секунды, не успев понять, что случилось, то переполюсовка магнитного поля Земли хоть от нас и не зависит, помешать мы не в состоянии, но можно уцелеть, если заранее знать, чего ожидать и какие меры принять для выживания.

Я прислушался, Мануйленко все же больше занимается теми глобальными катастрофами, при которых можно что-то сделать, если заранее принять меры или хотя бы знать, что делать, если вдруг...

Скажем, если в результате неких внутренних процессов светимость Солнца увеличится достаточно сильно, то нужно срочно сделать то-то и то-то, или что предпринять, если на Солнце произойдет чрезмерно крупная вспышка и гигантский кулак энергии не пройдет мимо Земли, так как она вообще-то крохотная песчинка, что вращается вокруг Солнца на огромном удалении от светила.

Дело в том, что хотя с самим Солнцем сделать ничего не можем, но зарождение вспышки можно мониторить за недели, а то и месяцы, заодно точно рассчитать, в какой точке пространства в момент выброса будет Земля, попадет под удар или нет, а если все же попадет, то что нужно успеть сделать.

Мои орлы молодцы, хоть никто из них ни разу не кандидат наук, но в свою очередь посматривают снисходительно и с вежливым презрением к эстетствующему умнику.

Данко сказал мирно:

– Взрывы сверхновой да, опасны, но если случаются близко. Альфа Центавра или Тау Кита не в счет, они хоть и близко, но достаточно стабильны.

Ивар добавил:

– Сверхновая опасна лишь на близких расстояниях в два-

дцать пять световых лет и ближе, но у нас нет таких опасных соседей. Чего беспокоиться?

– И Тау Кита может стать опасной, – возразил Мануйленко. – Мы не знаем, какие процессы в недрах тех звезд!

– Совсем не знаем?

– Знаем недостаточно, – уточнил Мануйленко.

– И что нам это даст? – спросил Данко. – Превратилась ли в сверхновую, мы не увидим раньше, чем взорвется. Смертельные гамма-лучи выжгут здесь все живое в тот же миг, как заметим ярко засиявшую в небе новую звезду. Так что лучше изучать спаривание жуков-дровосеков. Я как-то видел одну съемку, вот это зрелище! И про звезды забудешь...

Мануйленко рассерженно махнул рукой и пошел к Гаврошу, но так, чтобы пройти мимо Оксаны и как бы невзначай пообщаться.

Один из отделов мозга, что жадно мониторит сеть и здесь, в Дубае, сообщил, что Зульфья получила указание от мистера Хиггинса провести эту ночь со мной и сейчас уже идет по коридору в направлении моей двери.

Я оставил ее незапертой, и когда послышался стук, ответил громко:

– Открыто!

Она вошла, улыбнулась еще от порога.

– Не закрываетесь?

– Нет смысла, – ответил я небрежно. – Вся охрана на пе-

риметре, а здесь не от вас же закрываться?

Она подошла ближе, с интересом заглянула мне в глаза.

– Официант сейчас принесет ужин. Интересно, угадала ли я ваши вкусы. . .

– Угадали, – сообщил я и с удовольствием потрогал ее за выразительные вторичные признаки, даже слегка пожаткал.

– Откуда знаете? – поинтересовалась она, прямо глядя мне в глаза и делая вид, что не замечает, что и как я ей тискаю.

– Настоящие мужчины не перебирают, – пояснил я. – Только те, кто ничего не стоит, стараются придать себе значимость, делая вид, что знатоки в блюдах и сортах вин.

Приняв то, что я настоящий, она и в постели вела себя как нужно с настоящим, которому по фигу выверты, ему всего лишь удовлетворить свои потребности, этого вполне достаточно, как и простой здоровой пищи.

Послушная, как резиновая кукла, она выполняла все, что от нее требовалось, а это очень немного, после чего я сгрел ее в охапку и заснул, хотя какие-то части мозга капризно заявили, что им спать ну никак не хочется, я настаивать не стал, и они пошли гулять по просторам, проспектам, улицам и даже переулкам сети, пока я находился в полном отрубе.

Глава 9

Утром, когда я спустился в гостиную, буквально через минуту с другой стороны вошел Хиггинс, сияющий и довольный, протянул руку с таким видом, словно хотел обнять.

– Мистер Икс, – сказал он бодро, – заряды прибыли! Переупакованы, готовы к путешествию. Отряд сопровождения сформирован, выступит сразу как скажете.

– Прекрасно, – ответил я.

– Позавтракаете?

Я покачал головой:

– Некогда. Но не откажусь от чашки кофе и пары местных сладких булочек. Здесь они просто изумительны.

Он кивнул с пониманием на лице:

– Да-да, такие дела лучше не затягивать. Кофе и булочки сейчас принесут, а я пока пойду взгляну, кого начальник охраны отобрал для сопровождения.

– Спасибо, – сказал я. – Как приятно иметь дело с человеком, у которого все четко и продуманно даже в мелочах!

Он светски улыбнулся.

– Кофе совсем не мелочи!.. А все остальное да, намного проще.

Официант внес на широком серебряном подносе большую чашку кофе и три блюда с разными видами печенья.

Хиггинс кивнул довольно и удалился. Я поймал себя на

том, что никакой тревоги и мандража не чувствую. Вот что значит, когда все видишь, все разговоры слышишь и в деталях представляешь, что, когда и как произойдет. Странное и чуточку пьянящее ощущение всемогущества, хотя, конечно, погибнуть так же легко, как и раньше, а мою ситуацию можно сравнить разве что с пассажиром курьерского поезда, который точно знает, в каких двух-трех местах поезд вынужденно сбросит на поворотах скорость, чтобы спрыгнуть и не сломать шею и ноги.

Насчет кофе и булочек я не польстил, в самом деле бесподобны, а после них спустился вниз навстречу яркому солнцу, что брызнуло в глаза из распахнутых настежь дверей.

Двор будто залит расплавленным золотом, утренний прохладный воздух быстро прогревается и теряет свежесть и чистоту. В полусотне шагов от дома с его тыльной стороны массивный джип с распахнутыми дверцами, навстречу нам с Хиггинсом шагнул поджарый смуглый красавец с бородой и чисто выбритым местом над верхней губой, где должны расти усы.

Я уже знаю, что это означает, но сейчас мне без разницы, он уже приговорен Хиггинсом для принесения в жертву.

Когда я молча остановился, он бодро отрапортовал:

– Командир конвоя Ахмед Зард! А это Абдуллах, мой заместитель. Прикажете...

Я кивнул.

– Если готовы, то в машину.

Ахмед сел рядом с шофером, Абдуллах на заднее сиденье. Когда они захлопнули за собой, Хиггинс сказал мне заговорщицки:

– Взгляните на своих красавцев.

Он открыл багажник, я увидел даже не чемодан, а так, почти кейс. Уже в то время атомные бомбы уменьшились до размера, что их стали называть у нас «чемоданными», а в Штатах «ранцевыми».

Хиггинс сунул в замочек крохотный ключ, щелкнуло, крышка откинулась, словно на пружинке. Два сверкающих металлических шара, похожие на крупные елочные игрушки, расположились в уютных гнездах из темного бархата, как редкие драгоценности.

– Ну как вам?

Он откровенно гордился товаром, я ответил искренне:

– Кто-то очень любил их.

Он сказал с чувством:

– Думаю, даже бриллиантовое кольцо не выкладывали бы так же выигрышно!

– Жаль, – сказал я, – такие вещи нельзя держать дома в гостиной. А, честно говоря, очень бы хотелось.

Он посмотрел на меня с пониманием в лице.

– Чтобы все могли полюбоваться? Да, это вы точно подметили. Мечи, луки и даже автоматы можно вешать на стену, это украшение гостиной, а эти вот почему-то нельзя...

– Да, – ответил я со вздохом. – Хотя, возможно, кто-то

мог приобрести пару таких штук для своей тайной коллекции. Восхищаются же в одиночестве выкраденными из Лувра картинами?..

Он вздохнул.

– Будь у меня хотя бы сотня миллиардов, я бы у себя их точно держал! Пусть в подвале, но все равно вечерами любовался бы их страшной красотой и совершенством!..

Он закрыл чемодан, я принял из его руки ключ.

– Красота – страшная сила.

– Успеха, мистер Икс.

– Благодарю, – ответил я. – Было приятно иметь с вами дело.

– Взаимно, – сказал он весело, – взаимно, мистер Икс!

Ахмед вывел автомобиль красиво и торжественно, но едва миновали ворота, прибавил газу, сиденье подо мной дернулось, а меня вдавило в спинку. Прекрасная прямая дорога, широкий обзор и усиленный мотор позволяют гнать на скорости, которую в России даже на просторах Подмосковья сочли бы самоубийственной.

Сам Ахмед за рулем держится как во время веселой поездки к морю, однажды даже, наткнувшись на мой взгляд в зеркало, сказал весело:

– Надеюсь, когда доставим вас к вашему кораблю, не сразу отчалите?

– А что случилось?

– Неплохо бы искупаться, – ответил он честно. – А еще

там такие веселые девочки...

– Успеете, – заверил я. – Но сейчас мы в дороге, везем ценный груз. Будьте наготове, вдруг разбойники?

Они переглянулись, Ахмед ответил с покровительственной усмешкой:

– Здесь безопасные земли.

– Но вас послали с оружием, – напомнил я, – обоих!

– Это для почета гостю, – ответил Ахмед. – Наш хозяин выказывает уважение. Он так всегда делает, но ни разу никто не нападал.

Оба посмеивались, красивые и уверенные в своей молодой мощи. С полчаса так гнали, я поглядывал с орбиты на дорогу впереди и окрестности, наконец указал далеко вперед.

– Вон там вроде бы невысокие скалы, видите?.. Или руины римской крепости?

Ахмед сказал хвастливо:

– Это еще крестоносцы, говорят, строили.

– Вроде бы сюда не добирались, – сказал я.

Он пожал плечами.

– Не знаю, но старики говорят так. Может, все и неправда...

Я сказал настойчиво:

– Те руины слишком уж близко к дороге.

– Эта дорога старше тех руин, – ответил он. – Крепость строили возле дороги. Но она сохранилась, а крепости давно

нет.

– Там вполне может спрятаться засада, – сказал я. – Будьте настороже.

Ахмед заверил:

– У нас дороги свободные от преступников, уверяю вас, дорогой гость. Это в старые времена здесь бывало всякое.

Я ответил со вздохом:

– Ну как знаете. Все же я посоветовал бы вам держать оружие наготове. И быть готовыми к бою. А когда проедем это опасное место, можете снова расслабиться.

Ахмед посмотрел на меня с интересом.

– Дорогой друг, успокойтесь. Я вижу, вас что-то страшит. Но наша страна едва ли не самая мирная и спокойная в мире.

– Теперь нет мирных стран, – ответил я. – Вся планета начинает бурлить.

– Пусть бурлит, – произнес он с восточной неторопливостью. – У нас своя планета.

– Арабский мир?

– Поверьте, – ответил он с надлежащим высокомерием жителя благополучнейшей в арабском мире страны. – Даже в стране ислама это особое место.

Со спутника я сперва ничего не увидел, но всматривался и всматривался, так как засада должна быть именно здесь, наконец взгляд вычленил одну распростертую человеческую фигурку за камнями, ограждающими от дороги, потом вторую...

Со стороны дороги их не видно, однако эра спутников сделала всю поверхность земли зримой, а уже на подходе оптика с такой разрешающей способностью, что мирмекологи по снимкам с орбиты и прямой трансляции смогут изучать муравьев, глядя на экраны в восемь К.

Развалины все приближаются, я уже придумал повод, чтобы остановить автомобиль и выйти, восхотелось почему-то пописать, как взгляд выхватил впереди на обочине дороги сильно наклонившийся набок автомобиль.

Правая шина спущена, двое немолодых мужчин неумело пытаются снять колесо.

Увидев наш автомобиль, оба бросили на землю инструменты и выскочили на дорогу, отчаянно размахивая растопыренными ладонями.

Ахмед сказал с иронией:

– Мужчина должен уметь следить за автомобилем.

– В Эмиратах никто не следит, – заметил я. – Здесь хорошо налажены авторемонтные службы.

– Правда? – спросил Абдуллах. – Приятно слышать... А у вас?

– У нас плохо, – ответил я. – Потому все умеют делать сами... Что вы делаете! Это же опасно!

Ахмед сбросил скорость и, подогнав автомобиль ближе, остановился. Абдуллах сказал мне с укором:

– Разве это не наш долг – помочь попавшим в беду? Или у христиан не так?

– А если это засада?

Он хмыкнул.

– Они могли открыть огонь, когда мы проезжали бы мимо. Или бросить гранату. Или быстро поставить мину.

– Ладно, – сказал я, – но все же... будьте начеку.

Он посмотрел свысока.

– Мы можем определить людей, которые не собираются нападать.

– Ладно, – повторил я. – Все мы в руке Аллаха.

Он посмотрел с иронией, дескать, не прикидывайся, франк. Все равно ты не похож на достойного человека, в ваших развращенных странах нет таких, потому всем за грехи и недостойную жизнь гореть в аду.

– Разомну пока ноги, – сказал я.

Незадачливых автомобилистов всего двое, оба без оружия, типичные избалованные горожане, которые никогда не поднимали крышку капота и не знают, что под нею, как и ни разу не заливали бензин в бак, для этого есть служащие автозаправок, так что засада где-то среди нагромождения циклопических камней по обе стороны дороги, двух уже вижу достаточно четко, хотя и только на спутниковых снимках.

Я отдалился, на ходу расстегивая ширинку, хотя лучше вообще присесть, как поступают чистоплотные мусульмане, которым нельзя, чтобы даже капля мочи попала на брюки или обувь.

Но вот присел в укромном месте, здесь меня не видно, а

отсюда, прислушиваясь, начал пробираться между глыбами дальше, стараясь увидеть противника раньше, чем он меня, и сверяясь с картой, что транслирует спутник.

Двое залегли шагах в десяти, наблюдая за дорогой, оба в легких рубашках, у одного на голове легкий платок, другой вообще с непокрытой головой. Настоящие романтики: ни маскировки, ни осторожности, прекрасно знают, что добыча легкая, сопротивления не окажет, но все равно убить нужно всех.

Я поморщился, однако Хиггинса понимаю. Ему нужно показать, что и его люди пострадали. Впрочем, за такие деньги не только он позволил бы перебить весь свой штат. Бизнес есть бизнес, чем человек богаче, тем крупнее и бесцеремоннее в нем убийца.

Боевики лежат, выставив стволы автоматов и раскинув широко ноги, словно при стрельбе из крупнокалиберной снайперской, для которой требуется особая устойчивость.

Первый смотрится просто копией Ахмеда, такой же смуглый джигит с угольно-черной бородкой, поджарый, второй по курносому и конопатому лицу смахивает на человека из Рязани, прямо коренного, но сейчас он рядом с боевиком из халифата, демонстрирует дружбу народов, ну раз дружишь с такими, то и судьба у вас будет такая же...

– Сусан, – сказал он вдруг хриплым голосом, – не могу утерпеть... Курну и сразу назад.

Сусан ответил, не отрывая взгляда от суеты возле автомо-

бия со спущенным колесом:

– Думаешь, это надолго?..

– Нет, но я успею.

– Только быстро, – предупредил старший. – И вообще надо бросать курить дурь...

Белобрысый отполз еще на пару шагов вниз, там начал подниматься, а я, хоть и не люблю это дело, но для спецназа это привычно, я же в данный момент выполняю работу одного из них, подкрался быстренько, прислушиваясь к его дыханию, это дает почти стопроцентное знание, когда он развернется и увидит меня...

Он в самом деле поднялся на ноги и начал было разворачиваться в сторону вещевого мешка, на лямке которого я стою, а я одной рукой зажал ему ладонью рот, а другой полоснул лезвием ножа по горлу.

Он задергался, я медленно опустил на камни, стараясь, чтобы на нем ничего не звякнуло. Это смотрится отвратительно, острое как бритва лезвие пересекает горло, хлещет кровь, но я не спецназовец, а нейрофизиолог, для которого нейрохирургия – одна из вспомогательных дисциплин.

Сусан услышал мои шаги, буркнул, не поворачивая головы:

– Уже покурил?.. Быстро...

– Он курить бросил, – ответил я и аккуратно всадил нож в шею, в место, где атлас удерживает голову на плечах. Там расположен тот нервный узел, что моментально отключает

все тело.

Он дернулся, но тут же ткнулся лицом в землю и больше не шевелился.

Я подхватил оба автомата, у белобрысого еще и двенадцатизарядный пистолет с запасной обоймой, это же счастье для любителя стрелять, а я хоть не любитель, но что-то и мне это дело начинает нравиться, в каждом из нас дремлет охотник на мамонтов, только и ждет возможности пробудиться и показать себя во всей неандертальской красе.

На всякий случай отошел в более удобное для меня место, ориентируясь по карте с американского спутника. При таком ярком солнце нагромождение камней как на ладони, сверху вижу каждого из боевиков, всего одиннадцать человек, а так как я трансгуманистично черствоват, то не чувствую ни угрызений совести, ни жалости, что какие-то из этих двуногих умрут по моей вине.

Хотя какая вина? Все хорошо, все правильно. Эволюция уже не чистит род человеческий, болезни тоже побеждены, потому уродов и дегенератов все больше. Остался последний метод, ваше слово, товарищ маузер!

На дороге прогремели выстрелы и тут же затихли. Не высовываясь, я увеличил изображение. Как и ожидал, около второй машины никого, тело Абдуллаха распростерто на дороге возле автомобиля, а убитого за рулем Ахмеда выдернули за шиворот, он мешком вывалился на землю и упал рядом с товарищем, под которым уже расплывается темно-красное

пятно.

Похоже, оба даже не успели схватиться за оружие. Боевики коротко переговорили, начали оглядываться, позвали еще троих, завязался короткий спор.

Не надо читать мысли, чтобы понять, о чем разговор. Хиггинс наверняка сказал, что нас будет трое, убить нужно всех, иначе его участие станет явным.

Я проверил обе винтовки, калаши со сбалансированной автоматикой, не просто надежные, а безотказные, то что нужно боевикам, не часто посещающим оружейные мастерские.

Глава 10

Не высовываясь, смотрел глазами спутника, как несколько человек побежали в мою сторону. Я высунул ствол винтовки между камней, выпустил короткую очередь, затем перевел в режим одиночных и начал отстреливать несчастных дураков, что упали и затаились, вместо того чтобы быстро броситься к месту, откуда звучат выстрелы.

Конечно, первые обязательно погибнут, остальные сомнут, но они затеяли игру, в которой у них почти нет шансов, а если есть, то слишком мало...

Я стрелял и стрелял, часто меняя позицию, на случай, если у них отыщется гранатомет или очень хороший снайпер. Мозг автоматически отмечает убитых, уже пятеро остались лежать и никогда не поднимутся, а вот и шестой неосторожно высунулся, а во мне нечто рептильное уже просчитало каждое движение моих мышц, и хотя мне это кажется жутко медленно, но со стороны это выглядело бы как молниеносный поворот, и тут же выстрел без прицеливания, хотя на самом деле целюсь я долго и очень тщательно, иногда до трети секунды.

Оставался их вожак, я угадал его положение в группе по его местоположению и по тому, как взмахом руки отправлял то одного, то другого мне навстречу.

Он звериным чутьем ощутил мое приближение, важное

свойство природы чувствовать опасность, иначе не стал бы вожаком, начал отползать, а когда я выскочил и вскинул пистолет, оглянулся и выстрелил дважды.

Я дернулся в испуге, хотя пули ушли далеко в стороны, да и стреляет он для испуга, с такой позиции попасть невозможно, если только не случайно, вот это и не нравится, я ученый, случайности нужно исключить...

Убегая, он, запнувшись, упал, сразу же перекатился на спину, на лице отразился страх, я успел подбежать, а дуло моего пистолета холодно и мертво уставилось ему прямо в лоб.

– Не стреляйте, – пролепетал он.

– Почему?

– Вы же культурный человек...

– Какая на войне культура? – возразил я. – Да и не человек я уже...

– Но...

– Трансчеловек, – сообщил я, как человек вежливый, хотя какая ему разница, но вот что-то такое сидит в нас, отвечаем. – Трансчеловек...

И выстрелил.

Со стороны дороги донеслись голоса, в мою сторону побежали двое в одеждах сельских жителей, автоматы демонстративно заброшены за спину, оба размахивают руками.

Я опустил автомат и стоял молча в ожидании, тоже не делая угрожающих жестов. Оба типичные кочевники, но я да-

же не стал шарить в инете, читая их файлы, что-то подсказывает, что помимо воинских навыков у обоих еще как минимум по высшему образованию.

Один крикнул издали:

– Все чисто?

– Думаю, – ответил я, – это был последний.

Второй сказал с легким укором:

– Вожака стоило взять живым.

– Для бесчеловечных пыток в подвалах Моссада? – спросил я. – Нет уж, я милосерден... да и что он скажет? Это не Хиггинс, который покупает заряды. Где Эсфирь?

Они переглянулись, один сказал дипломатично:

– Карина Эссекс ждет вас у автомобиля.

– Хорошо, – ответил я. – Идем к вашей Карине.

Они снова переглянулись, чувствуя подтекст, типа вы к Карине, а я к Эсфири, подчеркивая свое более близкое знакомство.

Первый сказал почтительно:

– Она сказала, надо срочно вмешаться, пока вы их всех не перебили.

– А чего тянули?

– Старались понять, кто из них старший. А то возьмем не того...

У дороги возле автомобиля Эсфирь беседует с немолодым плечистым мужчиной, голубоглазым и светловолосым, словно кумык, в одежде зажиточного жителя эмирата.

Оба повернулись ко мне, мужчина жестом отпустил сопровождающих, те поспешно начали сбрасывать убитых в придорожную канаву и забрасывать ветками и камнями.

Командир отряда с интересом смерил меня взглядом. Я видел уважение в непривычных для израильтянина голубых, как у Лоуренса Аравийского, глазах.

– Вы... как?

– Допью кофе, – ответил я со скромностью короля, – и могу ехать обратно.

Он чуть улыбнулся.

– Ну да, у вас, аристократов, как же иначе? Только бабочку поправьте. Она у вас хоть и невидимая, но я ее зрю отчетливо.

Эсфирь покачала головой.

– Влад, ты смотришься бледным. Плохо спал?

– Да так, – ответил я скромно. – Хорошо, но мало. А чего не добавила «милый»?

Командир посмотрел на нее в изумлении. Эсфирь сказала зло:

– Не кривляйся, паразит. Быстро уходим.

Я повернулся к командиру отряда.

– Заряды не повредили?

Он заверил со скупой, но широчайшей улыбкой от уха и до уха:

– Оба целы!.. Миссия завершена успешно. Нашей признательности нет границ.

– Значит, уходите, – сказал я. – Ладно, Эсфирь, еще увидимся.

Командир сказал быстро:

– Приезжайте к нам в Тель-Авив!.. Встретим как героя. Или тайно, все по вашему желанию. Мы у вас в долгу. Неоплатном!

– Мир тесен, – ответил я.

Он сразу насторожился.

– Где-то столкнемся?

– Просто встретимся, – пояснил я.

Он кивнул.

– Хорошо, я бы не хотел, чтобы смотрели друг на друга через оптический прицел. Жаль, не всегда это от нас зависит.

– От нас всегда, – ответил я.

Он не назвался, хотя для меня это и необязательно, говорит по-русски чисто, без акцента, что и понятно, Израиль на треть из русскоязычных, из понаехавших только молодежь осваивает иврит, остальные так и остаются в своей языковой среде.

Правая рука руководителя группы явно араб, последние годы жизни начисто стерты из инета, но по предыдущим видно, что один из преданных сторонников распространения ислама, однако высшее образование получил в Штатах, а общее интеллектуальное развитие не позволяет перейти на сторону фундаменталистов. Более того, честно сотрудничает с израильянами, вроде бы парадокс, но у евреев и арабов один

отец, Авраам, да и Коран вытекает из Библии напрямую, это христианство – куда более кривая веточка этого единого дерева...

Все, кроме Эсфири, поместились в автомобиль с зарядом, а она помахала вдогонку рукой.

– Не сильно струсил?

Я проводил взглядом быстро уносящийся автомобиль.

– А чего так долго добирались?

– Да как тебе сказать... – произнесла она.

– Говори, – сказал я великодушно. – Надеялась, что меня убьют и твое сердце не станет больше страдать и рваться от безудержной любви ко мне?

– Паразит, – сказала она с сердцем.

– Или хотела посмотреть, как сам всех перебью? Конечно, было бы их там хотя бы дюжина, а то всего двенадцать человек.

Она напомнила:

– Ты велел затаиться и ждать. Мы прибыли на три часа раньше боевиков!..

– Ох, – сказал я почти виновато, – я считал, что ты женщина... а те унылые существа всегда опаздывают... И как?

– Замаскировались, – сказала она сердито, – а они явились и начали устраиваться прямо на том же месте. Один мне чуть на голову не сел!.. Тупые, за целых три часа так ничего и не заметили.

– От тебя пахнет дорогими французскими духами, – по-

яснил я, – эти ребята такие запахи вообще не чувствуют. Им навоз подавай!

Она поморщилась.

– Зато я три часа нюхала, как от него несет жареным луком, жирнящей бараниной и какой-то кислятиной!

– Я тебе возмещу, – пообещал я. – При следующей встрече. Французскими духами.

– Я патриотка, – сообщила она с надлежащим высокомерием. – Что там какая-то Франция?.. Франция давно уже не Франция.

– Да, – согласился я, – лучше уж сразу в Алжир, чем в его пригород.

Она смотрела, как я обшариваю трупы, но я взял всего лишь пару гранат и пистолет с двумя обоймами.

– Ага, наконец-то вооружился, трус.

– Пойдем отсюда, – сказал я.

Она оглянулась, но дорога почти что пустая, даже не знаю, кто устроил пробки с обеих сторон дороги, боевики или люди Эсфири, а то и сам Хиггинс, но времени на операцию дали с запасом.

Она сказала серьезно:

– Я хотела показать Герману, что ты ас в этом деле. Ты же знал, где засада, потому вовремя скрылся, а затем дал бой. Он хотел сразу вмешаться, это я придержала!

– А если бы прибили? – сказал я с укором.

– Мы наблюдали, – ответила она серьезно, но чуточку ви-

новато. – И успели бы... наверное.

– За «наверное» спасибо, – сказал я.

Она сказала со вздохом:

– Третий заряд, как догадываюсь, захотят использовать против американской базы.

– Какой? – спросил я.

Она двинула плечами.

– Да их тут полно. Взгляни на карту мира, как будто мухами нагажено... Это все их базы.

– Все же предупрежу ребят из ЦРУ, – сказал я. – Или, лучше, из МИС.

Она взглянула с интересом.

– Человеколюбие?

– Рациональность, – пояснил я. – Хотя штатовцы мешают и нам и вам, но в данном случае мы на одной стороне баррикады.

– Только слишком широко расставляют локти, – сказала она хмуро. – Это раздражает не только Россию, вы единственные, кто этого не скрывает. Ладно, пусть примут меры безопасности посерьезнее. Хотя и так на этом помешаны, но террористы как-то лазейки находят.

– Сто баз охранять труднее, – ответил я, – чем одну.

Она сказала саркастически:

– В самом деле?

– Но ты ж не знала!.. Ладно, а чего не поехала с отрядом?

– Мест не было, – пояснила она. – Автомобиль не рези-

НОВЫЙ.

– На колени бы к кому-то села, – сказал я.

– В Эмиратах строгие нравы, – напомнила она. – Остановят, оштрафуют, автомобиль могут обыскать. Зачем это нам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.